

ДАГЕСТАН

Муса Оздоев. «Прерванный полет»

Колонка неглавного редактора

Меланхолия новых руин

Мы живём в удивительное время, читатель. Иногда мне кажется, что мы разучились видеть красоту окружающего мира. И поэтому каждое наше действие, а чаще бездействие, вызывает к жизни уродливое и никчемное.

И руины на всём пути. Наши города и исторические памятники — тому самый очевидный пример.

От Порт-Петровска, который сегодня Махачкала, остались единичные осколки былого. Даже не осколки — обмылки, перелицованные и, как у нас любят говорить, — «обделанные». Неграмотно, но предельно точно. Как бы в развитие темы — текст Тамерлана Магомедова.

Древний Дербент понёс ряд невосполнимых утрат. Почти под корень изведены старые дома из ракушечника цвета благородной, позеленевшей от времени бронзы. Зато в глаза бросаются современные весёленькие желтопузые особнячки. Кажется, что остатки от их строительства пошли на заплатки юбилейной «реставрации» цитадели. А рачительные дербентцы — не пропадать же добру! — роют фундаменты под магазины у самой крепостной стены Нарын-кала, такого всего из себя доарабского памятника архитектуры из списка всемирного наследия ЮНЕСКО.

Знаете, мне совсем не хочется ругать наш только-только вылупляющийся этно-туризм, о котором пишет в номере Наида Хаспулатова. И людей, которые им искренне занимаются, — тоже. Только какие такие достопримечательности мы будем показывать через некоторое время? Разва-

лины Ахтынской крепости, которую неторопливо доразваливают (об Ахты — в Пленэре Влады Бесараб)? Верхний Гуниб, последний оплот имама Шамиля? Тот самый, о котором пишет в ФБ замечательный наш историк Патимат Тахнаева: «... маленький и гордый Гуниб — с башнями по окраинам (неприступный по средневековым меркам, времён пращей и луков со стрелами), белокаменный, выстроенный как на острове»? Или «островок былого красавца Гуниба, облепленный наростами в два-три этажа из шлакоблоков и кирпича»? «Налицо жесточайшая и необратимая ландшафтная, культурная и экологическая катастрофа. Беспощадная». Это — тоже оценка автора только что вышедшей книги «Гуниб, август 1859». К ней нечего добавить, да?

Кубачи, говорите? Чудесное место. О нём часто, но не в этот раз, пишет наш любимый московский автор и «кубачинский зять» Борис Войцеховский. Правда, он больше о людях. Вот и сейчас у него — интервью с главным режиссером МХАТа и экс-кизилюртовцем Эдуардом Бояковым). Просто в этот раз в компании с Борей и Заирой по старому Кубачи бродит Светлана Анохина и её «Синяя птица тоски».

И сами собой лезут в голову почему-то близкие развалины Кала-Корейша и Амузги. Может, потому, что к красоте древних руин, которые мы никак не научимся беречь, каждый день нами добавляются новые. Селф-мейд, так сказать.

Дмитрий Горбанев

Содержание

- 4 *Андрей Меламедов*
Мини
по максимуму
- 10 *Наида Хаспулатова*
Минздрав.
Самоизлечение
- 14 *Наида Хаспулатова*
Даг-даг, откройся!
- 21 *Тамерлан Магомедов*
И вновь
пятнадцать лет?
- 24 *Наида Хаспулатова*
Назим Кахриманов:
«Я сам „обелю”
конкурентов»
- 30 *Влада Бесараб*
Серые тени
южного солнца

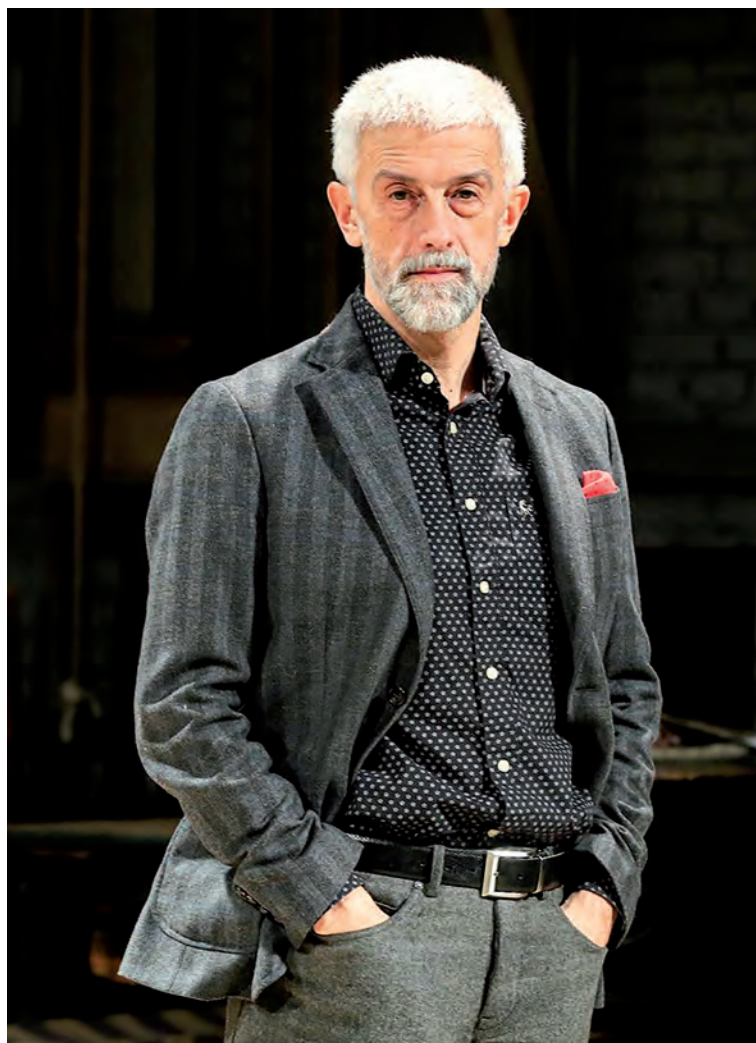

Фото в номере: Руслан Алибеков, Анастасия Кутовая,
Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№2(155) март-апрель 2019 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
1350000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

- 38 *Борис Войцеховский*
Голая женщина
должна быть в контексте
- 44 *Влада Бесараб*
И писал ей
стихи на снегу...
- 48 *Джамия Дагирова*
Из истории
Культурного портрета
- 49 *Светлана Анохина*
Крылышка золотописьмом...
- 54 *Магомед Бисавалиев*
Тайная тетрадь
- 58 *Светлана Анохина*
Синяя птица тоски
- 62 *Магомед Ахмедов*
Судейманов из Батлуха

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.
ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:
на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Андрей Меламедов

МИНИ ПО МАКСИМУМУ

Комментируя послание, с которым Глава Дагестана Владимир Васильев обратился к депутатам Народного Собрания РД, многие эксперты упрекнули его в том, что он, по их мнению, не уделил достаточного внимания проблемам реального сектора экономики республики. Единственное исключение — раздел, посвящённый развитию агропрома, в котором Владимир Васильев впервые системно обозначил своё видение проблем отрасли и представил программу их решения.

О том, насколько эта программа реальна и жизнеспособна, редакция журнала «Дагестан» попросила рассказать известного аграрного эксперта, ректора Дагестанского государственного аграрного университета Зайдина Джамбулатова:

— Очевидно, что при подготовке послания глава республики активно консультировался со специалистами в области АПК. Все наши «больные» проблемы обозначены, есть понимание того, как их надо решать. В этом плане очень показательным, что разговор о главных болезнях агропромышленного сектора начался с обсуждения проблем переработки сельхозпродукции. В этом вопросе мы сильно отстаём от других регионов, и поэтому понятно желание Владимира Васильева кардинально изменить ситуацию.

Во-первых, без переработки мы не сможем превратить сельхозпроизводителей в налогоплательщиков, а во-вторых, именно здесь кроются резервы для серьёзного увеличения доходов жителей республики, проживающих в горах. Смотрите, в Левашинском районе сегодня проживают почти 80 тысяч человек, в Карабудахкентском — 83,3 тысячи, в Акушинском — больше 50 тысяч. Всего же в горах у нас работают на земле около миллиона человек, треть населения Дагестана.

А теперь посмотрите, что у нас тут с переработкой. Обанкротившийся Кикунинский консервный завод и несколько небольших производств — вроде Тлоха. По существу, объёмов переработки практически нет.

Самое интересное, что традиционные перерабатывающие предприятия сельхозпроизводителю сегодня не очень и нужны. Это моё глубокое убеждение. Объясню почему. Владельцы таких предприятий всегда будут стремиться к тому, чтобы максимально сбить закупочные цены на сырьё. А теперь скажите, насколько интересно владельцу небольшого сада получить в сезон за килограмм своих абрикосов от 3 до 5 рублей? Это реальные цифры, характеризующие ситуацию с переработкой фруктов в горах.

Собственно, на равнине ситуация точно такая же. Уже несколько лет закупочные цены на виноград держатся на уровне 18–21 рубль без надежды на повышение. И поэтому с каждым годом выращивать его становится всё более невыгодно.

Вывод очевиден — традиционные перерабатывающие предприятия сегодня нуж-

ны и интересны только их владельцам и государству, поскольку последнее получает налоги.

Между тем существует реальная возможность резко увеличить объёмы переработки сельхозпродукции, как этого требует Глава Дагестана, и при этом сделать данное направление выгодным и для товаропроизводителя. Речь идёт о создании сельских производственных кооперативов второго и третьего уровней. Второй уровень кооперации заканчивается на этапе переработки и реализации продукции, третий — предполагает создание финансовых центров, координирующих работу кооперативов второго уровня и вкладывающих средства в наиболее востребованные программы.

Это мировой опыт развития агропрома, который сегодня активно начинает использоваться в России. Мы здесь сильно отстаем, кооперативов третьего уровня у нас нет ни одного, тогда как в той же Волгоградской области на счетах кооператива Котельнического района сегодня аккумулировано более 10 млрд рублей. Сеть кооперативов третьего уровня есть и в соседнем Ставропольском крае. Так что учиться есть у кого.

Мне почему эта тема особенно интересна? Аграрный университет уже достаточно давно реализует программу, предполагающую создание кооперативов второго уровня в Дагестане. Мы знакомим фермеров, владельцев ЛПХ, членов кооперативов с философией хозяйствования на основе современных технологий, консультируем их, разрабатываем и сопровождаем инвестиционные проекты. Правда, ощутимых результатов мы достигли только в последнее время. Связано это с тем, что новый министр сельского хозяйства смог ликвидировать коррупционную составляющую при выделении грантов и субсидий товаропроизводителям. И сегодня практически 100% проектов, разработанных специалистами нашего консультационного центра, получают финансирование по линии Минсельхоза.

Но вернёмся к переработке. Считаю, что основную ставку тут следует делать на небольшие предприятия, мини-заводы,

обеспечивающие качественными продуктами жителей своего района. Чтобы выяснить, как эти программы будут работать в Дагестане, мы запустили свой мини-завод по производству твёрдых сыров, предполагая частично закрыть эту нишу в республике. И неожиданно наша продукция оказалась востребованной и в Москве, и в других городах. Больше того. Многие иностранные туристы из традиционно «сырных» стран (Франция, Италия и т.д.), приезжающие в Дагестан, активно покупают наши сыры. Перед Новым годом, к примеру, мы не смогли представить махачкалинцам многие наши сыры — итальянские и французские туристы скупили практически всю продукцию нашего завода. Особенно востребованным оказался Камамбер.

И ещё один довод в пользу мини-заводов. В виноградарстве у нас, как я говорил, с переработкой проблем нет, но сегодня отрасль испытывает очень серьёзные трудности. За последние годы потребление коньяков, шампанского и вин снизилось на 30%, тогда как производство столового винограда в республике увеличилось в два раза. Заводы, имеющие свои виноградники на импортной лозе, при этом худо-бедно выживают, а вот производители, отлучённые от переработки, сильно просели и вынуждены работать в условиях демпинговых цен на продукцию без надежд на развитие.

Несколько слов о переработке мяса. На дагестанском рынке представлены десятки производителей мясной продукции из других регионов, тогда как мы по целому ряду причин за пределы республики со своей продукцией выйти не сможем. Хотя крупный рогатый скот в республике есть, только в Кадарской зоне на откорме регулярно находится около 70 тысяч голов.

Но, во-первых, себестоимость говядины у нас достаточно высока. Это связано с тем, что львиную долю кормов мы завозим со Ставрополя. Во-вторых, наши сельхозпроизводители справедливо опасаются заниматься переработкой из-за боязни серьёзного налогового пресса и повышенного внимания со стороны контролирующих органов. И, наконец, в-третьих: самое дешёвое мясо, используемое в производстве колбас, — свинина. Значит, наши колбасы по цене всегда будут проигрывать конкурентам.

Выход заключается в создании мобильных предприятий, ориентированных на один конкретный район. Тогда его жители будут уверены, что покупают действительно халявную продукцию, сделанную из дагестанского мяса.

Но прежде чем всерьёз заниматься переработкой, надо хорошо подумать над увеличением объёмов его производства. Овец в республике, наконец, пересчитали, необходимо пересчитать и КРС. Васильев это, кстати, понимает, поэтому в

послании серьёзное внимание уделено проблемам расширения кормовой базы.

Ситуация тут такая: мы обеспечиваем себя кормами всего на 40%. Для того чтобы всерьёз говорить о создании индустрии переработки, обеспеченность кормами должна быть на уровне 120–125% от потребного количества. Это азы зоотехники. Если есть запас кормов, можно без риска закупать на стороне молодняк для откорма, строить откормочные площадки, активно заниматься искусственным осеменением животных (при наличии откормочных площадок эта работа позволяет увеличить прирост живой массы на 30%).

Буквально мимоходом — о строительстве современных логистических центров, о которых говорил глава республики. Абсолютно солидарен с ним, надо строить. Но, опять же, большие центры (до 300 тысяч тонн) нам не очень нужны. На мой взгляд, нам подойдут мобильные хранилища объёмом от 5 до 50 тысяч тонн. В идеале такие объекты должны строиться на основе кооперации самими производителями сельхозпродукции.

Очень порадовал раздел, в котором говорилось о необходимости развития семеноводства. Соглашусь с главой в том, что наши климатические условия благоприятны для выращивания

семян большинства овощных и бахчевых культур. Скажу больше: условия для выращивания семян в Дагестане близки к идеальным и, без всякого сомнения, являются лучшими в России. Это касается как семян овощных культур, той же капусты, моркови, перца, так и семян большинства кормовых культур. Таких, как люцерна, сорго-суданская смесь (эта культура идеально подходит для наших солончаковых почв) и других бобовых культур.

При этом 90% семян для посадок мы сегодня покупаем на стороне, тратя на это сотни миллионов рублей, которые могли бы работать на экономику республики. Вместо этого мы кормим экономику других регионов. Абсолютно такая же ситуация, как с производством собственных кормов.

Что нам тут мешает? В республике отсутствует культура семеноводства, мы забыли многое из того, что знали раньше. К примеру, до перестройки в селении Сивух Хасавюртовского района успешно работал колхоз, специализирующийся на выращивании семян. Очень богатое предприятие по тем временам.

Сегодня же семенами в республике занимаются единицы. Та же фермерская семья из Дербентского района, о которой сказал Васильев...

Они выращивают семена капусты и добились серьёзных успехов. Сейчас аграрный университет совместно с Минсельхозом и Всероссийским институтом семеноводства на базе этого хозяйства планируют создать сельскохозяйственный производственный кооператив (СПОК). Дело в том, что только через СПОК можно обеспечить финансирование этого проекта с привлечением федеральных средств.

Честно говоря, я давно уже прорабатываю эту тему, и с учётом анализа рынка считаю, что ставку на кильку в томате делать не стоит, поскольку армейские поставки — дело достаточно нестабильное. Ещё один момент — на эти консервы идёт рыба второго сорта. Капитализация тут минимальная. Как, впрочем, и в случае переработки кильки на рыбную муку или на корм форели.

Вторым центром семеноводства мог бы стать Бабаюртовский район, на землях которого семья фермера Магомедова из Левашинского района выращивает семена люцерны. Собирают за сезон до 3 тонн семян — это достаточно много, можно засеять до 200 гектаров. Так что опыт есть и его надо использовать. Тем более с учётом задач по увеличению объёмов собственных кормов. В этой программе, кстати, люцерне отводится особая роль.

С удовольствием прокомментирую раздел про возрождение рыбной промышленности. Особенно порадовала меня информация о том, что республика приняла решение о закупке двух рыбопромысловых судов в лизинг. На этом фоне уже можно всерьёз говорить о возрождении рыбной промышленности.

До перестройки Махачкалинский рыбоконсервный комбинат выпускал шпроты в масле. Вот это высокорентабельный товар, который вполне может потеснить рынок шпрот. Но есть ещё один вид консервов, в котором капитализация максимальна, а прибыль считается сотнями процентов. Эту идею мне подсказали во Франции, куда мы возили нашу кильку на анализ.

Так вот, с учётом того, что наша каспийская килька является самой жирной в мире, наши французские партнёры предложили нам организовать предприятие по производству рыбного паштета, для которого она подходит идеально. Речь идёт о небольшом производстве прямо на берегу, в том же посёлке Сулак, к примеру. Французы готовы предоставить нам рецепты, поделиться технологиями, обеспечить выход в крупные торговые

сети. Производство практически безотходное, поскольку килька перерабатывается целиком. И очень рентабельное — прибыль на уровне 200–300%. Параллельно можно было бы организовать и производство сардин, тем более, что старые рецепты никуда не делись. В общем, тема очень интересная, и я рад, что наше правительство, наконец, озаботилось возрождением этой отрасли.

И напоследок о том, как, на мой взгляд, следует решать земельные проблемы в республике (Васильев говорил о них в связи с тем, что площадь опустынивания в северной зоне достигла 1 млн га).

Я не считаю себя специалистом по земельным вопросам, но очень хорошо понимаю, что в спорных вопросах самым действенным оказывается рыночный подход. Я не раз говорил о том, что законы экономики позволяют нивелировать национальные отношения. В интервью «Новому делу» я подчеркивал, что не бывает кумыкских рублей. Как и аварских, и даргинских. До революции полноправными хозяевами на равнине считались жители селения Чиркей, тот же Гоцинский. Дело в том, что они купили эти земли у кумыков, и поэтому вопросов к ним не было. Как не было вопросов и к немцам, которые жили в селении Люксембург, на Львовских номерах. За немцев заплатила царская казна, превратив их в полноправных хозяев оплаченных земель.

Да, частной собственности на землю у нас сейчас нет, но некоторые шаги в этом направлении, считаю, предпринять вполне возможно. Начать можно с малого. К примеру, после внесения соответствующих изменений в законодательство обязать администрации плоскостных районов выделить по пять процентов пустующих земель. Хороших земель, это очень важно. Определить реальную рыночную стоимость этих участков и провести трёхэтапные аукционы. В ходе первого этапа земли могут покупать только жители данного района. Не купили — право покупки переходит к жителям республики. И этот аукцион не состоялся — оставшиеся участки может приобрести любой инвестор со стороны. Хоть немец, хоть китаец.

Точно так же можно поступить с некоторыми землями отгонного животноводства. С теми, к примеру, которые формально являются чьей-то собственностью, но фактически годами не используются. В итоге на равнине появятся анклавов, демонстрирующие возможность цивилизованно решать земельные вопросы. Пойдут у них дела, появятся первые результаты, можно следующие пять процентов земель продавать. Главное, сделать первый шаг, создать прецедент.

Наида Хаспулатова

МИНЗДРАВ. САМОИЗЛЕЧЕНИЕ

Структуры здравоохранения всегда вызывали много вопросов. Нам трудно чем-либо похвастать: дагестанцы тяжёлые болезни, при малейшей финансовой возможности, предпочитают лечить по-дальше от родины. Те, у кого нет денег на Германию, Израиль и московские клиники, уезжают хотя бы в Астрахань и Кисловодск. Лично меня поразило, когда мои родственники, врачи махачкалинских и хасавюртовских больниц, отправились поправлять здоровье в Ростов. А уж они-то прекрасно знают состояние дел в республиканском здравоохранении.

Да, глава Дагестана принял кардинальное кадровое решение — бывший министр здравоохранения Танка Ибрагимов и руководитель ТФОМСа Магомед Сулейманов под стражей по обвинению в коррупции. Новым министром здравоохранения меньше года назад назначен Джамалудин Гаджи-ибрагимов — опытный врач, начальник медсанчасти УФСБ.

Естественно, мы в редакции давно хотели встретиться и задать вопросы, которые волнуют жителей республики, да и нас самих тоже. Из-за недостатка времени у министра живого интервью не получилось: ответы редакция получила в письменном виде. Впрочем, состояние и перспективы республиканского здравоохранения обрисованы достаточно конкретно и развёрнуто.

— Джамалудин Алиевич, вы меньше года назад стали министром здравоохранения. Как у коренного дагестанца и врача, почти всю свою жизнь проработавшего в Махачкале, у вас, наверняка, было своё мнение по поводу дагестанской медицины. Как сами оценивали её уровень?

— Не секрет, что ряд проблем не решался годами. Сразу обратили на себя внимание организационные промахи, дефицит зданий и помещений, проблема недостаточной оснащённости современным оборудованием медицинских учреждений. Более 20 объектов здравоохранения находились в разряде долгостроев.

Только в прошлом году, благодаря поддержке руководства республики, дело сдвинулось с мёртвой точки. После обращения Главы Дагестана Владимира Васильева федеральный центр выделил 350 млн рублей на завершение строительства стационара на 40 коек и поликлиники на 200 посещений в смену при онкологическом диспансере. Стационар почти готов и в скором времени начнёт приём пациентов. Помимо укрепления диагностической базы Республиканского онкологического диспансера это позволит значительно улучшить оказание специализированной помощи онкобольным.

Из-за отсутствия финансирования более 30 лет было заморожено строительство дополнительного корпуса при Детской республиканской клинической больнице. И только в этом году работы будут возобновлены. Средства на эти цели в рамках республиканской инвестиционной программы изыскали в региональном бюджете. Также продолжится строительство противотуберкулёзного диспансера со стационаром на 320 коек в Махачкале. Дополнительно в эту программу предусматривается включить завершение строительства участковой больницы в с. Доргели Карабудахкентского района и возобновление строительства шести объектов здравоохранения с высокой степенью готовности, которые при надлежащем финансировании мы можем ввести в эксплуатацию в 2020 и 2021 годах.

— Можете ли вы назвать основные достижения ведомства за последнее время?

— Безусловно, интегрирующими показателями, которые позволяют оценить принятые нами меры, является увеличение продолжительности жизни. Это главная цель, которая стоит перед системой здравоохранения. В Дагестане она одна из самых высоких по стране, в 2018 году достигла почти 78 лет. Стабильно растут объёмы высокотехнологичной медицинской помощи. Стала постоянной и тенденция снижения младенческой и материнской смертности. Развиваются информационные технологии. Ещё несколько лет назад представить дистанционное обследование — и даже целые консилиумы — было невозможно. Однако уровень медицины должен повышаться везде — и в городах, и в отдалённых районах.

Но очень многое ещё предстоит сделать. Планируется введение в работу новых типовых медицинских учреждений, новых диагностических технологий современного уровня, развитие качественной медицинской помощи на местах, в первичном звене здравоохранения, в задачу которого входит вовремя выявить патологию и не допустить тяжёлого исхода заболеваний.

Обеспокоенность вызывает обеспечение лекарственными препаратами наших пациентов из льготной категории граждан. Благодаря поддержке руководства республики средства, выделяемые на требующиеся им медикаменты, в этом году также выросли, но пока составляют 52% от общей потребности. Работа в этом направлении также продолжается.

— Какие задачи перед вами поставил Глава Дагестана Владимир Васильев?

— Приоритет — сохранение здоровья населения, увеличение эффективного долголетия. Масштабная работа в рамках нацпроекта «Здравоохранение», начатая нами, помогает реализовать стратегические цели повышения продолжительности жизни, снижения показателей смертности населения, обеспечения доступности нашим людям медицинской помощи, в том числе самых сложных и высокотехнологичных её видов. Определённые результаты уже достигнуты, в Дагестане сейчас неуклонно

увеличивается количество и спектр различных высокотехнологичных вмешательств, в повседневную практику внедряются принципы «бережливой» организации труда в медицинских учреждениях.

Выделяются деньги из регионального бюджета на закупку медицинского оборудования, санитарного транспорта, в этом году за счёт средств республиканского бюджета мы приобретём 70 карет «скорой помощи» и 50 флюорографических установок. Более того, уже есть одобрение Главы Дагестана и Председателя правительства РД выделить более 300 млн рублей на закупку нового медоборудования. Также планируется направить порядка 200 млн рублей на капитальный ремонт лечебных учреждений. Могу с уверенностью сказать, что такого в регионе ещё не было.

— **Недавно вы озвучили планы объединения 37 медучреждений. Не повлияет ли это на доступность медицинской помощи, особенно в сельских районах?**

— Цель реструктуризации — повышение качества медицинской помощи. Многие регионы страны, в том числе и столица России, уже прошли этот путь. Прежде всего реорганизация направлена на увеличение эффективности использования того технического, кадрового и финансового потенциала, который сейчас имеется в регионе. К примеру, далеко не все городские и районные больницы и поликлиники располагают современным оборудованием и квалифицированными специалистами узкого профиля. Объединение медучреждений позволит решить эти трудности: легче будет перераспределять кадровый и технический ресурсы, а жители республики смогут получать более качественную и доступную медицинскую помощь.

— **В Махачкале закрывается третья городская больница, построенная и оборудованная за счёт инвесторов. Её работу высоко оценили пациенты, которые там бесплатно лечились. Считаете ли вы правильным решение ФОМСа об отказе в финансировании этой больницы и собираетесь ли помочь сохранить это медучреждение?**

— Вопрос с третьей городской больницей уже решён. Мы рассмотрели всевозможные варианты и пришли к выводу, что нужно объединить две больницы, сделать третью городскую филиалом городской клинической больницы №1. Идею поддержал и муфтий республики Ахмад-хаджи Абдулаев. Для начала мы планируем развернуть на базе третьей больницы три новых отделения — терапевтического и неврологического профиля, а также паллиативной помощи. Они нужны — эти направления необходимо развивать, чтобы вывести нашу медицину на качественно иной уровень.

— **Что делается для искоренения коррупции в медучреждениях?**

— Взятничество, коррупция — это вопрос порядочности человека, и не зависит от того, в какой сфере он работает. В любой сфере деятельности имеются множество проблем и недостатков, в том числе проявление коррупционных правонарушений, и здравоохранение республики — не исключение.

Особо остро стоит вопрос «бытовой коррупции». Для решения этой проблемы Министерством организовано сотрудничество с правоохранительными органами, нами оказывается содействие при проведении ими проверок.

В октябре прошлого года мной утверждён план по противодействию коррупции в министерстве и подведомственных организациях на 2018–2020 годы, согласно которому будет осуществлён комплекс организационных, разъяснительных и иных мер по соблюдению работниками здравоохранения ограничений и запретов, а также по исполнению ими своих обязанностей. Запланировано внедрить: антикоррупционную политику, положение о конфликте интересов, стандарты и процедуры, направленные на обеспечение добросовестной работы и поведения работников. Кроме того, министерством разработана типовая форма договора на предоставление платных медицинских услуг, в соответствии с которой внедрена система эквайринга — безналичного расчёта с использованием банковских карт через платёжный терминал. Она позволит обеспечить

прозрачность при предоставлении платных медицинских услуг и ликвидировать коррупционные проявления.

— Многие тяжело заболевшие люди предпочитают выезжать для лечения в другие регионы. Когда дагестанская медицина поднимется на уровень хотя бы астраханской? Вы сами довольны состоянием высокотехнологичной медицины в Дагестане?

— Запретить лечиться в других регионах мы не можем. А вот побудить человека, чтобы появилось желание поправить здоровье у себя в республике, в дагестанских клиниках, у дагестанских врачей, конечно, можно. И мы сейчас работаем в этом направлении. В 2018 году в регионе высокотехнологичную медицинскую помощь (ВМП) получили порядка 5 тыс. человек. Это те пять тысяч пациентов, которые выбрали дагестанские клиники, а не федеральные центры. Сегодня лицензии на ВМП у нас имеют 14 государственных больниц. По количеству сложных, высокотехнологичных вмешательств Дагестан занимает второе место среди республик СКФО. И это не предел, мы и дальше будем наращивать объёмы и внедрять ВМП не только в республиканских клиниках Махачкалы, но и в районных.

— В последние годы в Дагестан стали часто приезжать врачи из других регионов и стран, которые принимают пациентов несколько дней за высокую плату. Полезны ли такие «десанты»?

— Повторюсь — это выбор самих пациентов. В некоторых случаях такие десанты,

безусловно, полезны в том плане, что позволяют нашим хирургам, не выезжая за пределы республики, набираться опыта у ведущих специалистов страны, осваивать более современные методы диагностики и лечения, совершенствовать уровень практических навыков и умений. Общение с более опытными коллегами — это не только интересно, но и всегда полезно и необходимо.

— Дала ли ожидаемый результат программа «Земский доктор»?

— Положительный эффект, безусловно, чувствуется. О результативности программы «Земский доктор» можно судить по цифрам. С 2012 года в сельские больницы Дагестана трудоустроились 1080 специалистов. Только в прошедшем году работать «на село» отправились более 200 медицинских работников. Реализация программы позволила укомплектовать необходимыми медицинскими кадрами амбулатории и поликлиники, снизить дефицит «узких» специалистов. А уже с этого года в регионе стартует ещё одна федеральная программа — «Земский фельдшер». Участниками двух программ в этом году могут стать 224 врача и 10 фельдшеров. Размер единовременной выплаты для докторов не изменится и составит 1 млн рублей. Размер «подъёмных» для фельдшеров будет меньше, чем для врачей, они получат 500 000 рублей. Главные условия для участников — быть дипломированными специалистами и отработать на полную ставку в течение пяти лет.

ДАГ-ДАГ, ОТКРОЙСЯ!

Всегда считалось, что дагестанцы народ практичный и домовитый. Если и выезжают из родного дома, то только чтобы заработать, подлечиться или навестить родственников. У себя в республике было принято ездить только к себе в село. Да и то сказать, многие горожане, чьи родители ещё до их рождения переехали в город, к моему удивлению, даже в своих родовых сёлах ни разу не были.

Но неожиданно, буквально 3–4 года назад дагестанцы стали активно ездить по родной республике. Причём не к родственникам и друзьям, а на экскурсии. Что, несомненно, хороший признак: любовь к туризму — атрибут культурного и обеспеченного общества, когда люди уже не просто выживают, а получают от жизни удовольствие. И, по-моему, туризм — это единственный сектор экономики Дагестана, который реально растёт. По официальным данным, в прошлом году в республике отдохнуло 685 тысяч туристов, за 6 лет их количество выросло в три раза. Примерно половина туристов — дагестанцы. В отличие от многих других статданных, этим легко верить — многие мои знакомые побывали хоть на паре экскурсий. На глазах растут турбазы и гостиницы, рестораны и кафе; причём, как и положено, есть и элитный дорогой сервис, и бюджетные варианты. Понятно, что главным объектом туризма стало наше прекрасное Каспийское море с бархатными пляжами, по которым приятно ходить босиком — в отличие от черноморской гальки. Но пользуются популярностью и другие красоты.

Почему дагестанцы стали ездить по республике, что они хотят увидеть и что больше всего им нравится, мы решили узнать у владельцев турфирм и у заядлых туристов. В начале марта в Аварском театре Махачкалы проходила фотовыставка Шамиля Шангереева. Именно он, насколько я знаю, ввёл «моду» для махачкалинцев ездить по выходным в разные уголки Дагестана:

«Увидев фото Камиля Чутуева, я ездил, фотографировал, выставлял фотографии, а потом появились друзья и родственники, желающие эту красоту увидеть своими глазами. Я повёз сначала их, потом много других желающих, и теперь каждый день летом мы отправляем из Махачкалы 3–4 автобуса. За 4 года мы организовали более 600 поездок, 25 тысяч туристов.»

Мы не думали о деньгах, ездили в своё удовольствие. Друзья говорили: «Зачем тебе это надо, никто не будет с тобой ездить?» Ещё по горам бегали «хулиганы». Но мы сделали, попробовали, и у нас получилось. В Сулакский каньон я первый повёл туристов потому, что я в Дубках вырос, и он для нас был просто оврагом, а сейчас в Дагестане по посещаемости занимает второе место.»

Когда в этом году откроют Чиркейское водохранилище, в несколько раз увеличится поток. В 2015–2016 нашими клиентами были полностью дагестанцы, в 2017 начали появляться первые приезжие, в 2018 их уже пятая часть.

Единственный фактор всплеска туризма — что стало спокойно. Когда совершали первые поездки, было ощущение, что все их ждали, — людей как прорвало. Наши люди очень активные, позитивные, сразу начинают танцевать, петь.

Я много лет занимался строительством, но мне всегда по душе было фотографировать, возить людей. Сейчас у нас в фирме «Шангереев Тур» около 10 человек: руководители, гиды, администратор, пресс-служба. Сначала арендовали машины, сейчас есть свои, но не хватает, ещё арендуем.

У меня самая большая база туристов из всех туроператоров. Могу собрать группу за 2–3 дня. В основном ездят творческие люди, интеллигенция. 90 процентов — это женщины, у мужчин свои машины, они хотят компанию. Когда говорю, что шашилка и вытывки не будет, что это исторические и познавательные поездки, мужчины

отказываются — они хотят пикника. Если и появляется мужчина, у него обычно такой то-скливый вид, как будто жена его силой затащи-ла. Самые популярные направления — это Дер-бент и Сулакский каньон.

Для развития туризма самое главное — спо-койствие. И этим должны заниматься все мини-стерства, как в Грузии, а не одно. Должны быть уроки туризма и в вузах и в школах, чтобы насе-ление учили быть более вежливыми и терпимыми, сотрудники МВД должны вежливо разговаривать.

Сначала я чуть ли не насильно заставлял местных жителей что-то продать или пригото-вить. Но... «Мы не можем брать с гостей деньги за еду». У меня есть друзья в Дубовой роце около Дубков, я их просил готовить для туристов на-циональные блюда, потом они раскрутились, сей-час начали строить турбазу, в Старых Зубутли открыли гостевой дом «Ласточка». Нас стали приглашать главы администраций.

И всё же туризм у нас ещё только на начальной стадии. Я бы хотел, чтобы инвесторами были сами дагестанцы. В Грузии, например, владельцы многих ресторанов и гостиниц арабы, турки, местные только обслуживающий персонал».

В туристическом бизнесе тоже есть своя мода и тренды. Туристы хотят красивых селфи, жела-тельно в национальной одежде. Именно такую услугу предложил организовать для туристов гла-ва Кубачи Расул Куртаев. Знаменитый аул столк-нулся с тем, что сократились заказы на их изделия. Молодой глава выход увидел в том, чтобы сделать древнее село популярным у туристов: тут и дохо-ды от обслуживания, и рост популярности куба-чинского серебра. Куртаев стал через соцсети и турфирмы звать к себе туристов, нередко кормил и размещал их в собственном доме. И это ему так понравилось, что после того как он перестал быть главой села, создал турфирму «Кубачи тур». Первые экскурсии, понятно, были в родное село. Потом география стала расширяться:

«Кубачи тур» уже три года, экскурсии по Да-гестану и Грузии. За прошлый год мы обслужили 1400 человек. Кто-то едет ради хороших фото-графий, кто-то ради эмоций и информации. Через соцсети люди видят, как интересно в поездках. Хо-тят отдохнуть, а это сравнительно дешёвая услу-га: 800–2500 рублей за день.

Самые популярные направления — Дербент, Ку-бачи, Гуниб, Сулакский каньон. Популярными ста-

новятся и праздники: сейчас дни первой борозды будут в Юждаге, Балхаре, Акушинском и Шамиль-ском районах, их и спрашивают туристы. Вот в Балхаре многое делается под туристов: они видят, что интерес растёт.

Конечно, самый большой поток в купальный сезон, но экскурсии мы проводим круглый год. И в марте приезжают, кому-то интересен, например, сезон цветения абрикоса. У нас нет в Дагестане культуры планирования поездок на полгода вперёд, а у меня есть уже бронь на август.

Сейчас это модная сфера, все в неё начали вкладываться, но для этого нужен опыт, знания. У нас 6 квалифицированных гидов, проходим трёхмесячные курсы квалификации в университете туризма и сервиса, пишем свои тексты и в Минтуризма сдаём экзамен и получаем лицензию. Пытаемся войти в федеральный реестр туроператоров, поскольку есть предложения работать с крупными компаниями.

В прошлом году в мы два раза больше обслужили приезжих туристов, нежели раньше, на этот год запросов раза в три больше. Очень востребованы маленькие группы по 2–3 человека.

70 процентов дагестанских туристов — это женщины, хотя кто-то подтягивает сыновей, мужей. Это люди, занятые своим делом, которые хотят отдохнуть от работы, есть учителя и врачи.

Недавно одна из махачкалинских больниц купила 11 наших сертификатов на поездку в Азербайджан и вручила лучшим работникам. Есть постоянные клиенты, которые приезжают из Москвы, Ставропольского и Краснодарского краев.

В горах активно начинают строить гостевые дома. Я у себя в Кубачи тоже строю. Потому что, например, 1–5 мая Кубачи должны принять 60 человек. Внутри нашего села 135 памятников истории республиканского значения. К сожалению, все старые сёла разрушаются, дома — переделываются. Памятники ветшают, реставрировать их

невозможно, только на проектную документацию уходит 300–400 тысяч рублей. Создали республиканский фонд восстановления памятников Кубачи — иначе уже через 50 лет их не будет.

По информации Минтуризма, в прошлом году открылось 10 новых гостиниц, 6 прошли квалификацию на три звезды. В Дербенте, Махачкале строят хостелы, современные гостиницы, в Юждаге и на Сулакском каньоне активно возводят гостевые дома. В Гунибе недавно гостиницу построили, и гостевые дома строятся, в Дубках несколько кафе открылись. Продвижение есть: и туркомпаниям хорошо, и местным прибыль.

Мы, турфирмы, за экологический сбор. Салтинский водопад пару лет назад был замусорен, министр туризма предложила организовать экологический сбор 50 рублей с туриста, официально дают квитанции. И ведь стало намного чище. Чистят, камни перебирают, ставят камни для переправы через речку, мы с удовольствием платим. Появился человек, продающий горячий чай и кофе.

Туризм стал развиваться, но для этого нужны, в первую очередь, стабильность и тишина в эфире. Потому что, когда СМИ начинают какой-то очередной скандал раскручивать, люди уже не хотят в Дагестан приезжать».

Но туристическим регионом Дагестан стал ещё в советские времена. И лидером туристического рынка нашей республики является компания, начавшая свою деятельность ещё в 1972 году, — «Туруниверсал». Именно она первой после развала Советского Союза повезла дагестанцев за границу. Заграничные туры и сейчас составляют большую часть бизнеса. Но занимаются они и экскурсиями по Дагестану. Солидный опыт и постоянное отслеживание новых тенденций позволяет «Туруниверсалу» оставаться лидером внутреннего туризма. **Жабир Омаров** начал работать в этой компании экскурсоводом ещё студентом иностранного факультета ДГУ, сейчас он заведующий отделом туризма. Но до сих пор с удовольствием работает гидом 2–3 раза в неделю:

«Мы — единственное турагентство со своей гостиницей и рестораном, в Дагестане очень важно не зависеть от других. У нас и базы отдыха были, сейчас остались только гостиница «Турист» на 160 мест и в сторону Сулака база отдыха. Гостиница уровня три звезды, ремонтируем её постепенно, во дворе ресторан «Бастион» год как открыт, набирает популярность, увеличиваем число мест.

Любой, кто заселился в «Турист», — уже турист, а мы принимаем более 15 тысяч клиентов в год. Это в первую очередь туристическая гостиница с завтраком, обедом, ужином. У нас на сайте предлагается 5 пятидневных туров по Дагестану, уже есть заявки на всё лето, и даже на сентябрь забронированы туры. Туриста утром везём в горы, но стараемся вечером вернуть обратно, потому что персонал «Туриста» очень хорошо знает, как их обслуживать. Иногда ночуем у наших партнёров в Гунибе, в «Орлином гнезде» — пансионате, построенном ещё в советские времена, — там с советских времён умеют работать. В Дербенте многие гостиницы не выполняют обязательств: 3–4 года назад был случай, забронировали номера, а мест нет или не того класса. Естественно, после этого мы отказались наши туры размещать в Дербенте.

Постепенно мы идём к стандартам, надо не минусы искать, а идти вперёд. Сервис на глазах развивается — 5–6 лет назад в Гунибе негде было пообедать, сейчас десяток ресторанов с разной кухней конкурируют. Самое популярное направление —

есть, ещё 6 лет назад там негде было покормить туриста. Да, не у всех есть жилеты на катерах, но в прошлом году вообще же ни у кого не было.

Гостиницы на побережье в десятки раз больше принимают туристов, чем в советские времена. В Ахтах очень много интересного, это была одна из столиц Кавказской Албании, «Белый город», музей там уникальный. Много людей ездит на Шалбуздаг, всё больше желающих подняться на него, чтобы

это Сулакский каньон. Он раскрутился из-за того, что высокие горы и всего полтора часа езды от Махачкалы. На поездку в тот же Гуниб весь день уходит.

Были желающие вложить 500 миллионов в Сулакский каньон. В итоге оказалось, что нет межевания на этой территории, — столько людей с алчным аппетитом появилось! Они сами его назвали «Бриллиантовое кольцо». Это хорошо, пусть всех радует! Появилось много точек где можно по-

ещё и полюбоваться сверху на Ахты, Миджах. Не было экскурсоводов, а сейчас их бесплатно готовят по согласованию с Минтуризма по программе Минтруда. И гостиницы в Дербенте лучше стали.

Пять лет назад ни одной дербентской гостиницы не было в Booking.com, сейчас появились, я им объяснил, что это выгодно, несмотря на то, что 15% придётся отдавать.

Дагестанцы стали очень активно ездить, особенно живущие за пределами республики. Они

приезжают домой, несколько дней общаются с родственниками и берут экскурсионные туры. Гости с собой возят, рассказывают, пропагандируют Дагестан в других странах и регионах. Ещё три года назад Дагестана боялись, сейчас боятся намного меньше.

Положительный имидж должно создавать министерство туризма. Наберите в поисковой строке «Грузия», и появятся десятки роликов, фотографий и статей, в которых красиво подаются интересные места, обычаи, кухня грузин. И при слове «Дагестан» должна всплывать положительная увлекательная информация, а не негатив.

Появилось много фирм, называющих себя туристическими, способных только организовать пикник. Гид ничего объяснить не может. В Гунибе встретил такую группу: девчонка-гид плачет, туристы ругаются. Она говорит, что надо гунибского гида нанять, а ей отвечают: «Ваша какая функция, мы за что платим?». Тем более, Гуниб — щекотливая тема: объяснять русским туристам, что Шамиль герой, потому что воевал против русских, это бестактно. Мы, например, не употребляем слово «русские», говорим «царские войска».

В соцсетях появляются сотни фирм, каждый водитель — это фирма. Они возят и по Дагестану, и в Грузию. А кто ищет в интернете, останавлива-

ется на тех, кто дешевле, и они дискредитируют Дагестан. У нас туризм многим даёт работу, поэтому пора уже и порядок тут навести.

Сейчас у россиян снизились доходы, те, кто ездил за границу, стали ездить по России. Это одна из главных причин роста туризма в Дагестане. С 1 января 2019 года вышел закон, разрешающий директору небюджетного предприятия потратить 50 тысяч рублей на работника на внутренний туризм. Но обязательно с официальной фирмой, тогда эта сумма освобождается от налогов. И мы уже начали на этом зарабатывать — в июне принимаем большую группу с московского предприятия».

О развитии туризма в нашей республике твердили давно. И вроде бы всё для этого было: море, горы, лиановые леса, древние аулы и крепости. А путешественников не было. И неожиданно туризм стал развиваться прямо на глазах. И, что ещё удивительнее, дагестанцы стали не только продавцами этой услуги, но и потребителями.

В мире много прекрасного, но оказывается, что восхитительные места, постройки с тысячелетней историей, чудесные костюмы и обряды есть и совсем рядом, в нескольких часах езды от своего дома.

Наида Хаспулатова

Тамерлан Магомедов

И ВНОВЬ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ?

Не прошло и ста дней, как все заметили, что у города, действительно, новый мэр...

Стремительный карьерный рост Салмана Дадаева, без заметной финансовой подпитки из каких-либо кругов влияния, позволяет предположить, что его продвижение по службе одобрено иммунной системой государства. Возможно, это объясняет суть и характер его действий: судя по ним, именно Дадаев имеет шансы стать сегодня новым Саидом Амировым, который правил городом пятнадцать лет. Совсем не в плане методологии построения своей власти, нет. Только вследствие масштабов своей деятельности и ожидаемой результативности.

Его пример — другим наука

Напомню — одним из первых решений Амирова на посту мэра города был жёсткий снос оптового рынка на проспекте Шамиля. На его месте планировали спорткомплекс, но в итоге возвели музей. Символично, что с приходом Дадаева многострадальный рынок, который после перемещения в район Северной автостанции в народе прозвали Цумадинским, вновь собираются ликвидировать. И снова — для строительства на этом земельном участке социальных объектов. В самом деле, вдруг построят школу?

Так и тут: снос незаконной многоэтажки на месте будущей школы начался уже через день после соответствующего заявления Салмана Дадаева. Ограничившись пока лишь повреждением первых этажей, чиновники пообещали полностью разрушить конструкцию путём подрыва. И если взрыв действительно произойдёт, то вздрогнет весь город.

А к тому всё и идёт. Сегодня мэрия выявляет факты не только незаконного стро-

ительства, но и самовольных перепланировок в многоквартирных домах. Речь идёт о капитальных пристройках и самовольно расширенных балконах, которыми облеплены практически все многоквартирные дома в городе старой постройки. Число выявленных в Махачкале самовольных перепланировок перевалило за тысячу. Стремительно выносятся судебные решения о сносе. Готовы отработать и приставы.

Мы — долгое эхо друг друга

Мэрия уже лихо заявила, что снос пристроек направлен на улучшение внешнего облика города, а также на обеспечение безопасного проживания граждан. Выразив надежду на понимание и поддержку со стороны горожан, городские чиновники, видимо, пока не совсем осознают градус неизбежной реакции общества. Мы, конечно, не в Лас-Вегасе, но страх и ненависть обеспечены. Причём не только Дадаеву, но и главе республики, который и сосватал за него Махачкалу.

Наводить порядок даже в семье порой приходится ремнём. Но хорошо, если в этом начинании поддерживает хотя бы теща. Поддерживать Дадаева в массовой архитектурной порке жителей столицы даже с отмашки Васильева никто из чиновников республиканского масштаба скорей всего не станет. Хотя бы потому, что в Махачкале у них у каждого свои интересы. Поэтому все градоначальники — до и после Саида Амирова — и были вынуждены лавировать, пытаясь выстраивать консенсус одновременно и с республиканской властью, и с населением города.

Пойти по проторенному пути было бы легче и Дадаеву, продолжив гробить внешний вид старинных улочек в центре города, строить нелепые колоннады в парках и рассказывать в соцсетях о том, что он тоже не в библиотеке родился. Вместо этого Дадаев навязывает агрессивную повестку, обещающую едва ли не каждому второму махачкалинцу потерю, пускай и незаконных, но столь уже родных квадратных метров орлиного гнезда — балкона.

Этот сигнал пока не дошёл до нервной системы городского сообщества, увлечённого

картинками реконструкции центральной площади. Игнорирует его и республиканская власть, делая ставку на «привлечение инвестиций». Но поболтать об «инвестициях» любил и Муса Мусаев, рассказывавший о трёх кованных беседках, которые подарили городу его друзья. Результат известен, как и место, в котором сейчас обитает экс-мэр. Дадаеву это пока явно не грозит.

Назад — в Эсэсэсэрию

Снос незаконных построек и пристроек — это жёсткий пинок, возвращающий нас в правовое поле. А заодно и в сознание. Государство решило всех нас привести в чувство, а Дадаев — всего лишь проводник и исполнитель директив. Понятно, что одними увещеваниями и воззваниями к совести добиться

порядка не удастся. Впереди — ночи длинных ковшей, когда гул экскаваторов заставит коммерсантов просыпаться в холодном поту.

Первыми начнут сносить автозаправки, магазины, и прочие коммерческие постройки, которых обильно нагородили вдоль всех городских улиц. И плевать, что на прихваченные автобусные остановки и газоны многие успели сострять бумаги. Никакие бумаги не спасли московских коммерсантов от новых российских законов. Кто не в курсе, советую взглянуть на свежую версию 222-й статьи Гражданского Кодекса РФ «Самовольная постройка».

Органы местного самоуправления теперь вправе сами принимать решение о сносе самовольных построек в случае отсутствия документов. Снесут и, например, если вид разрешённого использования участка не до-

пускает строительства на нём такого объекта. Также мэрия может снести постройку, которая расположена в границах зоны общего пользования (парка, сквера, площади и т.д.).

Новая редакция закона предоставляет муниципалам широкие возможности. Можно долго дискутировать, какую стройку можно назвать явно незаконной. Однако есть вероятность, что вести такую дискуссию многим придётся уже после того, как их постройки будут снесены в лучших традициях Москвы. Под снос пойдут не только рынки, но и супермаркеты. К примеру, «Апельсин» уже решено снести.

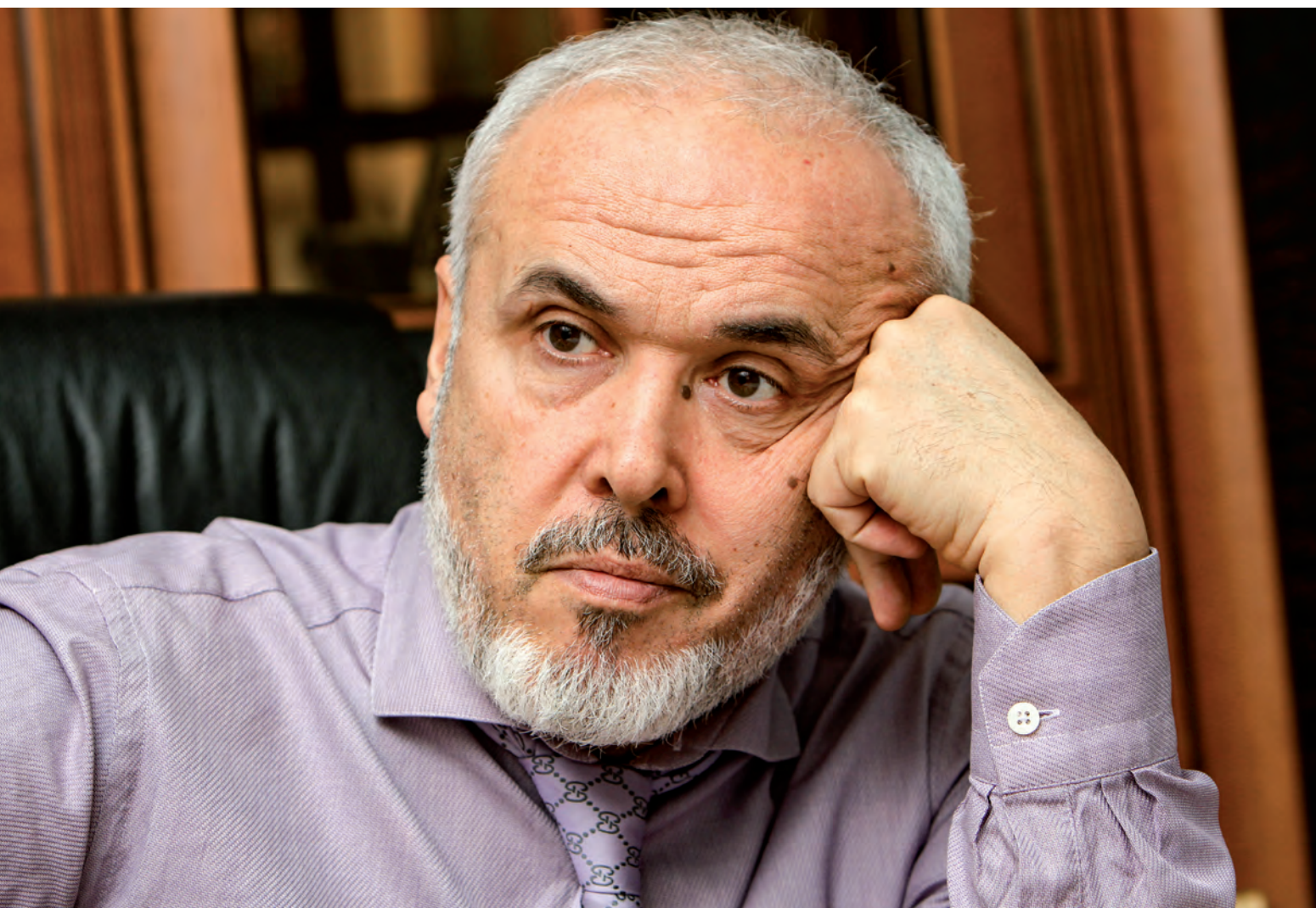
... И вперёд — в 70-е

Заметили, что никто не говорит о повышении благосостояния горожан? Хотя, казалось бы, вслед за кнутом должны раздать и пряники. Жёстким наведением порядка власть вполне осознанно задушит в Махачкале стихию предпринимательства. А значит, и число махачкалинцев вновь начнёт снижаться. Масово заселявшие окраины города селяне вернуться вновь к сохе. И государство уже ждёт их там, предлагая заняться производством сельхозпродукции, которую всё активнее гонят на экспорт и «в Россию».

Лишь после того как Махачкала вновь опустеет, очевидно, начнётся её новый расцвет. Когда по сигналу из центра начнут создаваться высокотехнологичные производства. Для работы на них будут завозиться сторонние специалисты. Следом начнёт повышаться уровень местного образования, а за ним и культуры. К тому времени, вероятно, решатся и проблемы городской инфраструктуры, что позволит профессионально развивать туризм.

Размечтавшись окончательно, почему бы не представить, как по зелёным улицам Махачкалы вновь зашагают русская интеллигенция и улыбчивые туристы, как взлетают вверх уровень и качество жизни самих горожан. И ещё — как через пятнадцать лет мы вновь увидим ту, ностальгическую Махачкалу образца семидесятых годов прошлого века. Салман Дадаев имеет пока все шансы превратить мечту горожан в быль. Главное, не повторять ошибок Амирова.

Назим Кахриманов: «Я САМ „ОБЕЛЮ” КОНКУРЕНТОВ»

90-е полностью перевернули нашу страну. Известными людьми, кумирами стали совсем другие люди, чем при советской власти. В Дагестане, как и по всей стране, все обсуждали появляющиеся каждый день новые фирмы, новых миллионеров. Из имён, которые прославились в те годы, почти никого не осталось — большинство погибли, кто-то сидит в тюрьме, крупные компании или исчезли, или поменяли владельцев. Одна из немногих успешных фирм, которая прогремела в те годы, но успешно работает до сих пор — «Эльстар». И по сей день её возглавляет её создатель — генеральный директор Назим Кахриманов. Про «Эльстар» я знала, конечно, давно, но с владельцем фирмы познакомилась случайно — на одном из бизнес-форумов. Он поразил своей глубиной, интеллектом и любовью к книгам — нечастое хобби у предпринимателей. Именно его мы и решили расспросить, когда было легче заниматься бизнесом: в лихие 90-е или в наше стабильное время.

Начало

Я из Касумкента, 10 лет проучился в интернате в Каспийске, был первым медалистом в нашей школе, затем поступил в Московский институт электронной техники. Я по натуре технарь, и если бы сейчас была такая возможность, я бы точно пошёл в высокотехнологичное производство. После окончания вернулся в Махачкалу на завод «Эльтав», начинал с технолога, стал старшим технологом, начальником цеха, а потом уехал в Германию как победитель конкурса среди производителей. Подучился, вернулся и стал коммерческим директором «Эльтава».

Прожив два года в Германии, понял, что всё там держится на частном бизнесе, не на государстве. И в России тогда позволяли что-то производить, появилась возможность зарегистрировать компанию.

Когда вернулся, сразу начал оформлять документы и в феврале 93-го открыл свою первую фирму — «Эльстар ЛТД». Хотелось самому заниматься своим бизнесом, быть независимым, попробовать создать какое-то дело.

... За 25 лет я пережил разные периоды: и когда всё получалось и был в эйфории, и когда чуть не убили, и когда так всё надоело, что готов был просто бросить фирму, не то что продать. Криминальные 90-е, кризис за кризисом — всё через душу и сердце.

Мне был 31 год, денег на производство не было, поэтому я начал с торговли, купил первую партию холодильников и за неделю, пока я их вёз, цена в три раза выросла. На эти деньги я купил станок по производству жалюзи — фирма «Эльстар» была первым производителем современных жалюзи в Дагестане, потом освоили рольставни.

В 1998 мы первые в Дагестане стали производить шкафы-купе. Первые изделия делал своими руками, потом мне это очень по-

могало — меня было тяжело обмануть. Всё делалось по какому-то наитию: ни связей не было, ни интернета. Первым в Дагестане стал производить алюминиевые витражи, двери, до этого всю эту продукцию производили огромные советские заводы, а мне очень хотелось их делать, видел, что за ними будущее, но у меня не было денег, чтобы купить такое оборудование. Рискнул, купил одну пилу «раскос» и переделал технологию так, чтобы вручную собирать. Потом ПВХ занялись.

В 1993–1994 никто не знал, что такое жалюзи, я ходил с ними под мышкой по домам и предлагал, показывал: кто-то покупал, а кто-то гнал взащей — разные были ситуации, но деньги надо было зарабатывать. Через пару лет появились первые газеты, где можно было разместить объявления, рекламу. Конкуренции не было, но что такое жалюзи, шкафы-купе никто не знал. В бизнесе есть непреложный закон: первый снимает все сливки. А потом надо постараться остаться лучшим, не получится — закрывать производство и придумывать что-то новое.

Были трудности с обеспечением. Это сейчас по звонку тебе любой материал до порога доставят, а тогда в Москве всего пара мест была, где можно достать, а потом на своём горбу тащить.

С криминалом я тоже сталкивался, когда приходили братки и говорили: «С этого дня будешь нам платить столько-то, если не принесёшь, мы знаем, что твой ребёнок ходит в первую школу». Не платил, нанял таких же братков, которые потом в свою очередь пытались меня прижать; потом приходилось ещё кого-то нанимать, а потом понимаешь, что всё это будет бесконечно, — с родственниками с ружьями, в длинных кожаных плащах охраняли фирму. Появились налоговые органы, и налоговики тут же стали искать возможность заработать, дербанили тогда любой бизнес по чёрному. Так что рэкет был одновременно и криминальный, и государственный. Я помню, как на пустом месте арестовали моё имущество на 300 миллионов рублей, и пришлось заплатить.

Мой друг Сулейман Керимов

Когда я работал на «Эльтаве», Сулейман Керимов работал экономистом в отделе труда и зарплаты, мы с ним дружили. Он хороший друг, весёлый парень. Конечно, если бы тогда мне кто-нибудь сказал, что он добьётся таких высот, я бы удивился — он был такой же, как и мы, молодые специалисты среднего звена. Но потенциал у него всегда был. И ещё настрой на зарабатывание денег.

Потом Керимов уехал, стал представителем «Эльтава» в Москве, налаживал связи, пытался реализовывать продукцию, пробивал кредиты для завода. Каждый мой приезд в Москву мы созванивались, встречались... Потом он резко взмыл, в 1999 поменялись его телефоны. Сулейман стал недосыгаем, но я и не пытался его найти, лет 20 уже с ним не общался.

Перманентный кризис

Сейчас в «Эльстаре» работает 131 человек, у нас есть производство и торговый центр, но основная часть людей занята на производстве. Помимо прежних направлений мы освоили светопрозрачные конструкции, оснащаем под ключ торговые и пищевые объекты. Постоянно участвуем в аукционах и тендерах госзакупок, получаем заказы.

Сейчас сложнее работать: ты не успеваешь задуматься, когда за полгода ситуация полностью с ног на голову переворачивается. Покупательная способность населения солидно упала, мы сейчас тяжело зарабатываем как интерьерный центр. Наш бизнес очень уязвим: в кризис человек в первую очередь начинает экономить на мебели, жалюзи — нашей продукции. Единственное, что спасает — культ свадеб: любая семья из кожи вон вылезет, чтобы дочери хорошее приданое дать; наш последний крупный проект был связан с молодожёнами.

Внешняя среда влияет, конечно, на твой бизнес. Мы с 2012 года не вылезаем из кри-

зиса. Сейчас принято говорить, что кризиса нет, кризис только в головах, делай, что положено и будет всё хорошо; и я своим сотрудникам часто это говорю. Это так, но полностью компенсировать внешние потери, которые от тебя не зависят, не получается.

Помню, в 2012 на одной серьёзной конференции первый раз услышал, что в России начнётся кризис в конце 2012 года и продлится до 2020. А уже после этого случился Крым, санкции. Получается, кризис был заложен в нашей экономике — он случился бы, даже если бы Крыма не было. А тут ещё и он наложился.

Где выход?

Сейчас, когда внешняя ситуация давит на нашу экономику, внутри страны надо дать свободу. У нас же, наоборот, в дополнение к внешним факторам начали затягивать гайки. Сказали бы предпринимателям: «Ребята, вперёд, вот вам кредиты, свобода, ограждаем от всех проверяющих, только работайте по закону»... Да у нас за 2–3 года всё расцветёт, и мы не будем отставать ни от Америки, ни от Китая. Народ же через многое прошёл, закалился. Есть и опыт других стран, которые таким образом свою экономику подняли. Но от пустых деклараций лучше точно не становится.

Я от государства ничего не получал, у меня веры государству ноль. Государство выстроило коррупцию, бесправие граждан, чиновники выстроили его абсолютно под себя, и никто и не думает создавать условия для бизнеса.

Последние годы очень много бизнеса закрылось в Дагестане, многие сейчас на грани банкротства, всем тяжело. С одной стороны, все понимают, что без бизнеса России не выжить, с другой — боятся, что когда народ начнёт зарабатывать и платить налоги, появится средний класс. А среднему классу свойственно спрашивать: «Я плачу налоги, куда вы дели мои деньги? На дороги и детские площадки или разворовали и вывезли в Лондон?». До сих пор Россия жила не за счёт наших налогов, а на

нефтяные и газовые деньги, поэтому и спроса не было. А за свои налоги я спрошу. И ещё, как выяснилось, жить на одних нефтегазовых ресурсах очень рискованно: перекроют продажу и что потом — как в Венесуэле? Поэтому и стали повышать налоги.

Я думаю, руководство России сейчас перед дилеммой: дать народу возможность работать и зарабатывать, и брать налоги или продолжать жить за счёт природных ресурсов. Судя по тому, что несколько лет назад создали Росгвардию и резко подняли зарплату силовым структурам, решили пойти по пути закручивания гаек.

Государство должно изменить законы, чтобы экономика поднялась. Помните, при предыдущем главе республике возник этот термин — «обеление экономики». Налоговики вынуждены были сказать: «Приказ получен, будем увеличивать доходы». И доложили Абдулатипову в первый же год, что увеличили. Каким образом? В разы увеличили давление на тех, кто и так платил, как я, например. А те, что не платили, так и не платят.

В итоге исправные налогоплательщики разумно ушли в тень. И поэтому уже следующий год был провальным. Я вхожу в разные экспертные комиссии, в форумах принимаю участие. Спрашиваю: «Ребята, назовите мне число и поимённо те фирмы, которые вы нашли, обелили и поставили на учёт. Где они?». Ни одну не назвали.

Та нагрузка до сих пор на нас давит, так ведь добавляют! Наш парламент ввёл какой-то коэффициент районирования, и мой налог на землю ни с того ни с сего увеличили в шесть раз. Простите, я этого не закладывал в расходы: мне же где-то надо зарабатывать, чтобы заплатить. А как?

Хотите пополнять казну? Работайте с теми, кто ничего не платит. Пойдите в ассоциацию мебельщиков и скажите: «Вы должны сдать нечестных конкурентов». У меня таких полно, те же изготовители жалюзи, шкафов-купе, которые у меня же работали и ушли, делают их у себя в гараже и не то что налоги — за электричество, тепло и газ не платят. А я не хочу разориться только потому, что меня проверяют по полной и по-чёрному, а его — никак. Получается, официальное предприятие — обуза.

Дайте возможность, я сам «обелю» всех своих конкурентов. Но так не будет, потому что проверяющий поймал такого чумазого и вместо обеления взял с него в тёмную.

Бизнес по учебникам

В США проводили исследования, которые показали, что только у 5% людей есть способности к бизнесу. Это не преимущество: у кого нет таланта предпринимателя, есть другие способности. Но при любых способностях своей профессии надо постоянно учиться. Вернее, в нашем деле — и в нашей стране — учёба не гарантирует успеха; есть успешные предприниматели без теоретических знаний, действующие интуитивно. Но обучение помогает выстраивать успешный бизнес. Мне лично это надо, книга или семинар — это концентрированное знание.

Я вообще люблю читать, постоянно читаю художественную литературу, сейчас — биографию Гауди, закончил фантастический роман Хайнлайна «Чужак в чужой стране», с утра жену попросил найти Гюго «Отверженные» — захотелось перечитать. Но в основном книги по саморазвитию и по бизнесу.

У нас в офисе очень хорошая библиотека. Чтобы аттестоваться, сотрудники обязаны прочесть несколько книг. Лучшими книгами для бизнеса я считаю Стивена Кови «Семь навыков высокоэффективных людей», Наполеона Хилла «Думай и богатей», Робина Шарма «Монах, который продал свой Феррари» и «Лидер без титула». Они не только про бизнес, но и про личностный рост, взаимоотношения в семье и на работе.

Мне нравятся книги Хаббарда, его ноу-хау — система статистики, мы применяем некоторые его методы. Есть 8 шагов, которые ты должен сделать, чтобы твой бизнес нормально развивался. Но в наших условиях это сложно, и мы от многого отказались, но кое-что применяем. Допустим, система трёх папок, коммуникационная система — ведь не все вопросы должен я решать, многое решается на горизонтальном уровне.

Каждый четверг мы проводим учебный семинар, приходят и с производства, менеджеры, разнорабочие, кассиры. Темы разные, следующий семинар готовит наш коммерческий директор. Посмотрите на эти схемы, это образ будущего компании, каким я его

себе вижу через пять лет. Мы их зачитываем на каждом семинаре. Это культура, которая предполагает, что не только сотрудники должны придерживаться правил, но и я, в первую очередь, должен им следовать. Если я взял на себя какие-то обязательства, я их, кровь из носу, но должен выполнить.

Посмотрите на эту схему, она называется «интеллект-карта», здесь моя основная задача на этот год — становление коллектива; я хотел бы видеть свой коллектив трудоспособным, сплочённым, спортивным, целеустремлённым. Основной ресурс и основной резерв я вижу в развитии своего коллектива, других ресурсов у меня пока нет. Мне говорят: «Ты дурак, что ли, зачем сам себе готовишь конкурентов?». Бывает: пару лет назад от нас ушла девушка, коммерческий директор компании. Сейчас у неё свой бизнес в похожей сфере. Да и в любом мебельном цехе выходцы из «Эльстара». Но я считаю, что плюсов больше.

Бизнес-тренинги тоже необходимы современному предпринимателю. 60 % это разводилово, но оставшиеся 40% — хорошие курсы, которые способствуют развитию. В данный момент участвую в двух коуч-семинарах, один из них по инновационному маркетингу. Стоят они недёшево, но я их оплатил — с условием, что мои сотрудники тоже будут в них участвовать. Это необходимо потому, что информационные технологии так быстро развиваются, что не успеваешь сам всему обучаться. Считаю, что это даст дополнительные идеи.

Главное — позитив

Мы учимся позитивно смотреть на мир, ставить ежедневные цели. 2 мая состоится первый дербентский марафон, и наша фирма решила участвовать в марафоне на разные дистанции. Я решил пробежать 10 км. 20 лет вообще не бегал, а вчера на стадионе пробежал «десяточку» — 25 кругов. Занимаюсь йогой, утром делаю йоговский комплекс Сурья Намаскар «Приветствие солнцу». В пятницу после рузмана мы все вместе здесь обедаем и обсуждаем, что хорошего сделали.

У меня три дочки замужем, сын учится в Москве, в государственном университете управления. Сына Муртазали назвали в честь моего отца, я его готовлю в предпринимательство, и он очень хочет вернуться в Махачкалу. У него уже какие-то планы, пошёл на курсы инвестиционного маркетинга, SMM занимается. Прошлым летом работал разнорабочим у меня в компании, с удовольствием рассказывал, что научился пользоваться шуруповёртом, кусачками. Но я хотел бы, чтобы он создал свой бизнес, сам, причём с нуля. Если дети отдыхают на том, что заработали их отцы, то внуки будут голодать.

Несколько лет назад попытался отойти от активного участия в бизнесе, оставив его исполнительному директору, но не справились, эффективность снизилась.

Есть много позиций, из которых складывается образ лидера. Один из обязательных моментов, на мой взгляд — позитивное отношение к жизни и духовность.

*Записала
Наида Хаспулатова*

Пленэр

Влада Бесараб

СЕРЫЕ ТЕНИ ЮЖНОГО СОЛНЦА

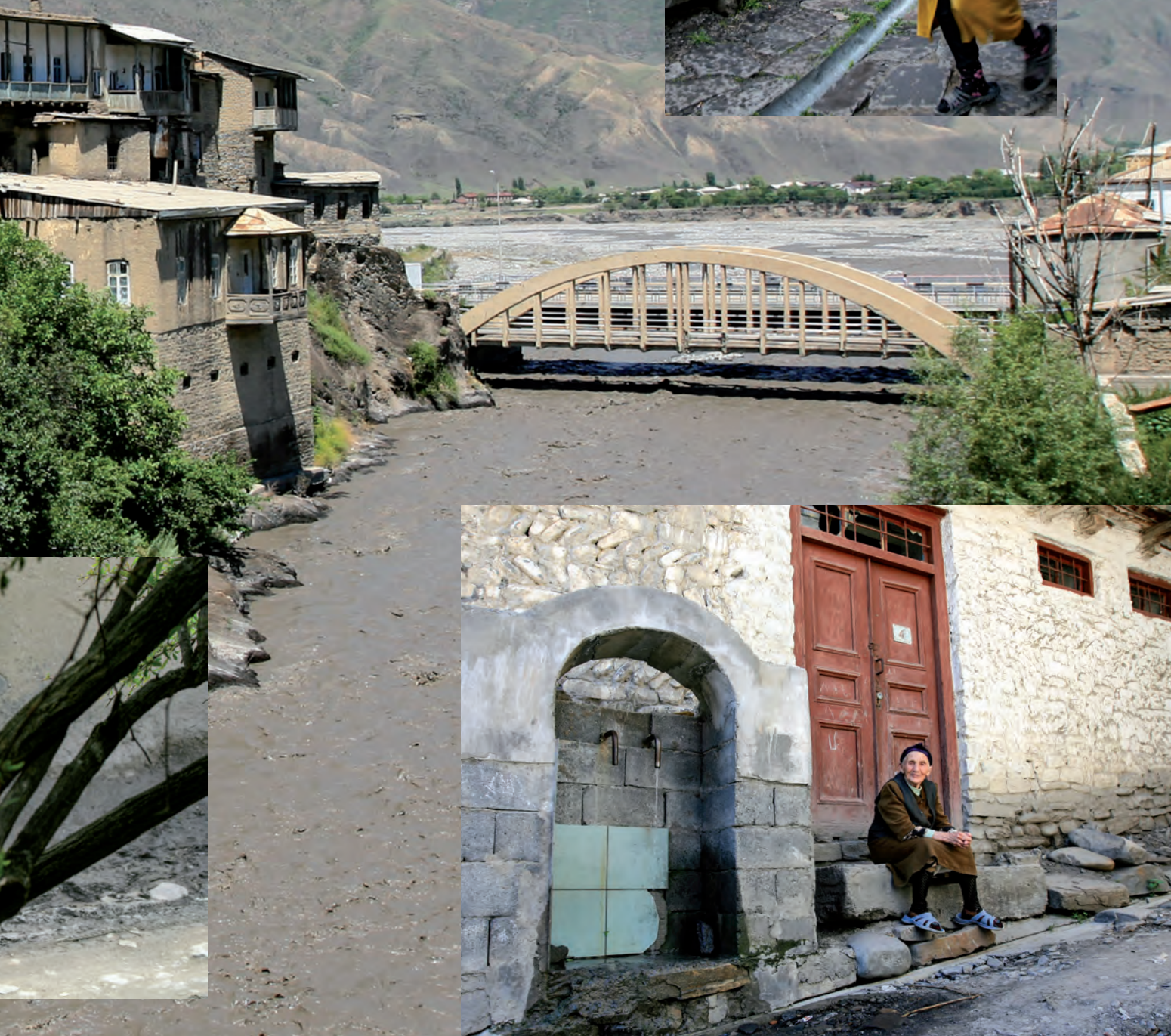

Про село Ахты с его мостами, музеями, военной крепостью, бальнеологическим курортом и ежегодным народным праздником «Шарвили», во время которого торжественная процессия преодолевает 222 ступени, ведущие к мемориальной белой ротонде на горе, — написано много. И фотоиллюстраций в свободном доступе предостаточно. Нам тут добавить почти нечего.

Про благоприятный климат с самой большой в республике длительностью солнечного сияния (аж 2472 часа в год!) и знаменитые яблоки мы рассказывать не будем. И для нас неважно, две с половиной тысячи лет аулу или он на тысячу старше. Об этом пусть историки спорят. А мы снова о личном, о тёплом, о нежном, о сокровенном — о любви к малой родине и к искусству. И о том, что это почти всегда одно и то же высокое чувство.

Обойти вниманием столицу Южного Дагестана в нашем журнальном проекте было никак нельзя, и автором-героем этого материала мог стать только Октай Алирзаев. Признанный художник, выпускник Академии художеств, педагог с многолетним стажем во время «серьёзного» интервью вдруг между делом обронил: «Однажды утром в выходной день отец взял меня с собой за базар. Мне года четыре было, наверное, но я хорошо помню, как мы шли по селу этим солнечным

утром, хозяйки как раз заканчивали подметать свои дворы и разбрызгивали воду на улице, чтобы пыль улеглась. Почти у каждой ворот земля была тёмная от этой воды, и в воздухе пахло мокрой пылью, как после тёплого дождя».

Он больше 20 лет живёт в Петербурге, приезжает в Дагестан только в отпуск. Мы не знакомы с ним лично, общаемся по телефону и мэйлу, и, к сожалению, из его чудесных акварелей, которые так высоко оцениваются на международных художественных конкурсах, «живьём» я видела лишь пару работ на какой-то выставке и очень давно. Но после этого мимолётного замечания о мокрой пыли солнечным утром выходного дня, извлечённого откуда-то из глубин памяти, становится всё-всё понятно. О том, как тогда был горд и счастлив маленький мальчик Октай, шагая рядом с отцом, и о том, почему художник Алирзаев Октай Алирзаевич на протяжении многих лет пишет (и всегда будет писать!) серию «Камни предков», и, главное, почему его Ахты выглядят именно так.

Доктор искусствоведения Дмитрий Северюхин отмечает, что в творчестве Алирзаева «помимо прочего, возрождается интерес к этнографическому бытописательству», что расценивается им как несомненное достоинство — в наш-то век неприятия реализма как такового и жанровой живописи в особенности.

«Нет нужды говорить об особенностях технических решений и умении мастера «организовать изобразительный материал». Давно уже не «нотные заученные гаммы», а «сложная музыкальная ткань», своё образное пространство и область сложных человеческих переживаний стали сутью творчества... Возникает желание погрузиться в мир его образов, почувствовать их эмоциональный настрой, порадоваться его находкам» — так пишет о произведениях Алирзаева художник, зав кафедрой графики Санкт-Петербургского

альбомы и некоторым детям предложил учиться. Мне в том числе. Первые азы рисунка, композиции я постигал под его началом. Мы пытались писать с натуры, много беседовали. Однажды он принёс профессиональный набор красок на занятия — Ленинградская акварель! Это и сейчас

государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина Юрий Башкирцев. Так пишет учитель о своём талантливом ученике (в годы учёбы в Академии художеств Алирзаев постигал тонкости композиции именно под руководством Башкирцева). Погружаемся, чувствуем, радуемся.

«Гаммы» Октай «заучивал» в Ахтынской художественной школе под руководством Джавида Алиева — талантливого художника, ювелира, а главное, чуткого педагога. «Мы называли его Джавид-муалим. Тогда художественная школа в селе только открылась, и он собирал группу. Пришёл и в наш класс на урок рисования, посмотрел

лучшие краски, дорогие. В 1977 году их и в Махачкале свободно не продавали, не говоря уже об Ахты. А он дал их нам, детям! Я помню, как он открыл коробку — а там...»

А там — волшебство! Учитель не коробку красок открыл перед учеником, он буквально распахнул перед ним двери в мир искусства. Портрет Джавида-муалима на фоне села — дань памяти дорогому учителю. Октай написал его в 2017 году (спустя ровно 40 лет после окончания художественной школы) к своей персональной выставке, которая так и называлась «Посвящение учителю» и проходила в Ахтынском краеведческом музее. Художник также дал мастер-класс акварельной живописи для учащихся Ахтынской художественной школы. Круг замкнулся. Пришла его очередь открыть перед сельскими ребятами волшебную коробочку акварели.

В основе симфонии — семь нот и переживания, мысли, жизненный опыт композитора. «Сложная музыкальная ткань» художественных произведений Алирзаева соткана из наблюдений, воспоминаний, впечатлений.

Портрет Сулеймана Стальского (см. 4 стр. обложки) — дань памяти великому поэту. Художник написал его спонтанно — вскоре после того, как сгорел Литературно-мемориальный Дом-музей поэта в селе Ашага-Стал. Это был его способ пережить трагедию.

Виды села узнаваемы — вот мост, вот мечеть, вот дома на крутом берегу Ахты-чая, а вот тень

у сарая. Сарай, кстати, совсем покосился, того и гляди, упадёт. А вот эти живописные руины, скорее всего, уже рухнули окончательно. В том селе Ахты, которое райцентр с населением в 13 тысяч человек.

У художника же своё, другое Ахты, в котором он мальчишкой бегал босиком по пыльным улицам. Этот «припылённый» мерцающий колорит создаёт особую, очень уютную атмосферу пейзажей. «Все говорят «юг, юг» — мы живём на юге, но я не ощущаю в нашем краю ярких красок. «Армянский красный» (как на картинах Мартироса Сарьяна. — Прим.) — этого нет у нас. У нас летом горы выжжены солнцем. Сейчас колорит другой: кирпичные и оштукатуренные дома; крыши, покрытые ондулином — синие, красные; асфальт, плитка. А тогда дома, улицы — всё было серое и пыльное».

Да-да, именно так, очень яркое летнее солнце окрашивает камни аула и окрестные горы — не в оранжевый, не в жёлтый, не в красный, а именно в серый, пронзительный, яркий пыльно-серый.

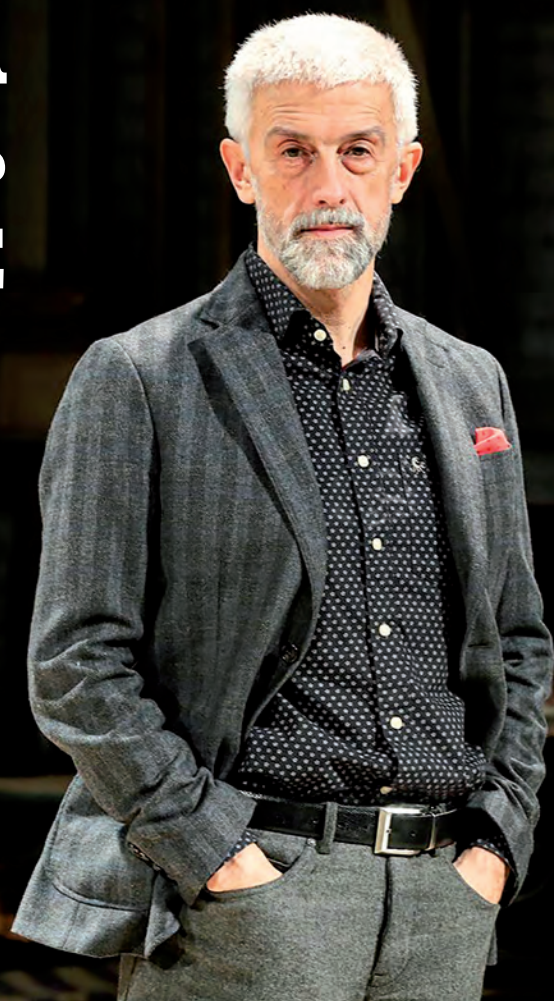

Борис Войцеховский

ГОЛАЯ ЖЕНЩИНА ДОЛЖНА БЫТЬ В КОНТЕКСТЕ

Недavno назначенный художественным руководителем знаменитого МХАТа им. Горького Эдуард Бояков давно уже считается фигурой на редкость противоречивой. Основатель главной театральной премии страны «Золотая Маска», пропагандист новой драмы, искатель новых сценических форм и выразитель прогрессивных взглядов, нынче этот уроженец Кизилюрта, бывший бунтарь и «андийский муж» — глава одного из наиболее традиционных театров, православный философ и борец за чистоту русских традиций.

Брать интервью у Эдуарда было непросто: некоторые его суждения кажутся более чем спорными. Но это — его суждения, чем и интересны. Ещё сложнее оказалось завизировать этот текст, из которого Бояков убрал некоторые из своих воспоминаний о жизни в Дагестане. Но и оставленного достаточно, чтобы составить портрет человека, чья жизнь более всего напоминает театральную пьесу с то и дело меняющимся сюжетом и множеством действий и антрактов.

Действие первое. О спорте и носе Расула Гамзатова

Перед тем как идти к вам, я посмотрел в интернете список известных уроженцев Кизилюрта. Их 19. Догадываетесь, чем все прославились?

Стали спортсменами?

Точно! Да ещё и борцами. Среди них вы, хударук МХАТа — словно белая ворона. Как это вас так угораздило?

Да, в Кизилюрте моего детства было много спортплощадок, но было много и музыкальных, и художественных школ. Здешняя многонациональность, многоязычие, многоукладность удивительным образом совпали с советской идеологией интернационализма. Кстати, очень ярким интернационалистом был, например, Расул Гамзатов, которого, так уж вышло, я принимал в почётные пионеры, когда он приехал к нам в школу.

Вот тут можно поподробнее? Не каждому же, в конце концов, доводилось принимать в пионеры классика литературы.

Мне тогда было лет десять-двенадцать, всё происходило в единственном в Кизилюрте кинотеатре «Сулак», стоявшем прямо напротив моей школы. Помню улыбку Расула и его огромный горбатый нос. Он о чём-то пошутил, потом похлопал меня по плечу. Так что, видимо, я со своей задачей справился.

Подозреваю, это одно из ваших самых сильных детских воспоминаний?

Были и другие, конечно. Первые походы в горы вместе с друзьями. Рыбалка на речке. Спорт-спорт-спорт — футбол, волейбол, всё прочее, потому как, вы сами же заметили, место-то у нас было спортивное. Спорт, помимо прочего, форма выявления лидерства.

Лидеры нужны в любом сообществе: в школе, в армии, на подводной лодке, в среде работающих вахтовым методом геологов, в научных группах и в актёрских коллективах. А отработка лидерства начинается в детстве.

Действие второе. О дедушке и корвалоле

Если это не семейная тайна, не расскажете, как ваших родителей вообще в Дагестан занесло?

Я, если хотите, потомственный дагестанец. Мой дед по отцу — из Ставрополя, бабушка задолго до войны тоже обосновалась в этом районе. Другой мой дед родом из Черкасской области, а бабушка — кубанская казачка. И вот этот второй дед был сильнейшим специалистом в сельском хозяйстве, а бабушка — филологом, получившим высшее образование в Махачкале. У них, конечно, было мало шансов встретиться, но тут дедушку послали далеко-далеко в горы оптимизировать поголовье скота и переводить здешнее овцеводство из частного формата в промышленный, а бабушку мою послали туда же, в Хунзах, учителем русского языка. Там они и познакомились. Там родились мои мама и тётя. Семья дедушки и бабушки всегда была для меня примером. В конце 50-х они спустились с гор, перебрались вместе с моей мамой в село Султан-Янги-Юрт, а после — в Кизилюрт, где родился я... Деда очень уважали. Помню, когда он умер в середине 80-х годов, на его похороны из Хунзаха много народу приехало. Видимо, он оставил там большую часть своей души. Сам я, правда, увы, так до Хунзаха и не доехал.

Кизилюрт вашего детства — это...

Это мой класс, в котором учились русские, аварцы, кумыки, лакцы, даргинцы, лезгины, осетины.

То есть — при всём интернационализме, о котором вы говорили в начале, национальности замечались и выделялись?

И да, и нет. Знаете, это ведь очень тонкая настройка. Одно могу сказать: какой-то вражды по национальному признаку не было, как не было каких-то национальных банд и группировок. Мой самый близкий друг, сосед тех лет — Аслан Гаджиев, лакец. Саша Алиев — полукровка. В том, что я увлёкся искусством, огромная заслуга преподавательницы английского языка

— осетинки Эльмиры Юсуфовны Бжассо. Мы ещё только заканчивали начальный класс, а она уже позвала нас в созданный ею театральный кружок. Я занимался там много лет. В нём были такие девчонки! При этом с ними можно было ещё и потанцевать.

А какая красивая роспись была на стене кабинета! Года полтора назад, когда я в последний раз заезжал в Кизилюрт, зашёл в этот класс и увидел, что от росписи сохранился, увы, лишь маленький фрагментик...

Мальчик в театральном кружке — это же для Дагестана как-то не по-мужски, нет? Дразнили вас одноклассники?

Нет, потому что я одновременно был ещё и спортсмен. Причём успешный спортсмен — капитан волейбольной и баскетбольной сборной школы, ездил на первенство республики. А когда окончил школу на все пятёрки, доводил маму до истерик и корвалола, говоря, что хочу стать тренером по волейболу. Ей такая перспектива почему-то не нравилась.

Действие третье. О своих и чужих

Вы уехали из Дагестана...

В 21 год. Получилось вот как: после школы я показал свой пятёрочный аттестат маме и сказал: всё, учёба закончилась, хочу пойти в тренеры! Было много слёз. Правда, после школы я так никуда и не поступил. Ушёл в армию, где два с половиной года отслужил в пограничных войсках в Армении — кстати, в обществе земляков, дагестанцев. Вернувшись, год отработал на заводе. И только после этого поехал поступать на факультет журналистики Воронежского государственного университета. Там уже учился мой школьный друг Саша Алиев. Так началась моя нынешняя карьера.

Интересно вот что: вы не чувствовали себя слегка чужаком в Воронеже среди русских?

Ещё каким чужаком! В общезнании, чтобы попросить перец и взять деньги в долг, я всегда шёл только к своим.

К «своим» кому?

К своим — дагестанцам. Потому что мне в то время было вообще не очень понятно, как устроена русская жизнь.

Что именно напрягало?

Отношение к алкоголю, конечно. Знаете, что творилось во всех этих студенческих стройотрядах? Затем, другое отношение детей к родителям. Я говорю это с болью, но это так. Другое отношение к старикам. Помню, что всегда, когда заходил кто-то старший, я вставал. Даже в армии. После армии, кстати, я оказался в семье русского друга. Зашла его мама, я встал. Они были удивлены: ты что? А для меня совершенно невозможно сидеть в присутствии старшего человека. И это — навсегда...

К сожалению, наследием СССР стало разрушение семьи. Достаточно посмотреть статистику по разводам, абортам, отказу от детей. Хорошо, что от моей родни, от бабушки и дедушки я унаследовал ощущение места, чувство привязанности к дому. Вокруг меня не было икон, не было глубоких традиций, не было осмысления

генеалогии. Но мама и бабушка их чтили. Новый год, 7 ноября, 1 мая, дни рождения были для меня настоящими праздниками. А сегодня я делаю фестиваль, который называется «Традиция». Стараюсь приобщить своих детей к ним. У человека, как у дерева, есть ветки, ствол, корни. Корни — это наши традиции, наше родовое начало, наши предки.

Действие четвёртое. О нефти и бандитах

Вы сейчас очень резко перешли от учёбы к фестивалям. Но давайте всё же пока о менее духовном поговорим. В Москве начинали с нефтяного бизнеса...

Вспомните 1991 год, год начала дикого капитализма. У меня ни поддержки, ни квартиры, только жена и ребёнок на руках. Преподавательская зарплата составляла порядка 5 долларов в тогдашнем исчислении. И я, как и многие творческие люди тогда, ушёл в бизнес. Мы с друзьями первыми в России придумали сделку по экспорту сырой нефти негосударственной компанией.

И остались живы?

Мне удивительным образом повезло, потому что не пришлось иметь дела с бандитами. Не было ни криминала, ни стрелок, ни разборок. Внутри нашего круга работали правила. Возможно, это как раз связано с тем, что я родом из Дагестана. И вторая вещь — я успел быстро выйти из этой сферы деятельности.

А могли бы стать олигархом? Как ваши друзья.

Как ни странно это может прозвучать, у меня не было такого стремления. Да, большинство людей из провинции едут в Москву, удерживая в голове определённый набор целей, — личный самолёт, личная яхта, личный небоскрёб и так далее. Ничего перечисленного в моём виш-листе не было. Да, мне нужно было жильё. И у меня есть квартира в Москве. Ещё десять квартир, особняк на Рублёвке, вила на Лазурном берегу, апартаменты в Майами? Зачем? Решив самые примитивные материальные задачи, я вернулся в творчество. Друзья и знакомые были удивлены: думали, я заболел, или же у меня какие-то неприятности, о которых я не хочу говорить вслух...

Действие пятое. О лифчиках и крайностях

Вы ностальгируете по Дагестану?

Скучаю. Переживаю, что не получается там часто бывать, хотя очень хочется. У меня же там до сих пор много друзей — Аслан и Саша, о которых я уже говорил. Халилби Ганишев, всегда бывший этаким богемным персонажем. Именно он дал мне впервые послушать Led Zeppelin, Deep Purple, The Rolling Stones и весь прочий классический рок, сильно перепавший мою подростковую душу. Это был настоящий эстетический взрыв, благодаря — в том числе — которому я пришёл в искусство и до сих пор с удовольствием езжу на концерты и U2, и Radiohead. Мои одноклассницы-близнецы Асият и Саняйт Максудовы, бывшие в те времена лидерами женских сборных Кизилюрта по волейболу и баскетболу. Одна из них родила сына, Мансура Исаева, ставшего Олимпийским чемпионом по дзюдо...

Для того чтобы задать вам важный вопрос, зайду сначала издалека. Вы следите за новостями с родины?

Иногда.

То есть слышали про то, как только за этот год в Махачкале были сорваны концерты, а вокруг рядового спектакля «Охота на мужчин» возникла едва ли не революционная ситуация с участием борца Хабиба Нурмагомедова, углядевшего в одетой в нижнее бельё актрисе угрозу традициям? Мне интересно, как относится к этому не просто Эдуард Бояков, а Эдуард Бояков, как художественный руководитель МХАТа имени Горького, как создатель премии «Золотая Маска» и театра «Практика», как организатор большого количества театральных фестивалей.

Я не видел этого спектакля, поэтому рассуждать именно о нём не могу. Но скажу: я полностью поддерживаю традиционалистскую линию. Поддерживаю, как человек, прошедший долгий путь всех искушений — в том числе и ползающими в чулках по сцене девушками. Сегодня я считаю это злом.

Я думал, ответ будет другим. Хотя бы про то, что у каждого должен быть выбор: что смотреть, а что — нет, купить билеты или остаться дома.

Это всё демагогия. Если следовать этой логике, почему тогда не разрешить гей-парад в Москве? Мол, если не нравится или если не гей — не ходи!

О гей-парадах вообще-то речь не шла.

Но пойдёт, как только будут разрешены некоторые концерты и некоторые спектакли, где ползают по сцене в чулках, а после — без лифчика и без трусов.

Вы же лучше меня знаете: Махачкала всегда была светским городом. Но теперь вы выступаете на стороне тех, кто хочет, чтобы что можно, а что нельзя решали представители муфтията? Я хочу рассказать вам, как человеку, чья семья часто бывает в Индии, одну историю. В 2015-м в Дагестане был отменён традиционный индийский праздник «Холи». По мнению представителей духовенства, положенное на этом празднике кидание друг в друга краской может мгновенно выбить горский стержень из неокрепших душ юношей и девушек, сделав их едва ли не геями. Вам не кажется это бредом?

«Холи», конечно, с гомосексуализмом никак не связано, скажу я вам как любитель и знаток индийской культуры. Этого там нет и в помине.

То есть — всё же бред?

Крайности. Крайности опасны везде. Но, говоря об их опасности, нельзя всё свести к примитивной диалектике. Должно быть уважение к традициям, к укладу. Ещё 20 лет назад я сам считал иначе. Тогда бы я осудил запрещающих. А сейчас — нет. В принципе. Не обсуждая конкретный спектакль. Потому что многое зависит от общего смысла. Да, голая женщина может быть на сцене, не говоря уже о женщине в чулках, но в определённом контексте.

Каком?

Показывающим непростой путь. Взять ту же преподобную Марию Египетскую. Она же была проституткой, но искупила этот грех. И рассказать историю этой одной из величайших христианских святых, не говоря о её прошлом, о её блуде до покаяния, о том, как она удовлетворила немыслимое количество человек, о её падении, невозможно. То есть, говоря о спектакле, вопрос всегда должен стоять так: зачем эта женщина разделась, ради чего?

Вы действительно верите в то, что в Дагестане прямо таки каждый будет разбираться в

мотивах раздевания? Здесь ведь для многих публичное обнажение уже само по себе как красная тряпка для быка... К слову: почему бы тогда не запретить и телевизор, где показывают в том числе фильмы Феллини, в которых раздеваются. Да и в фильме «Председатель» Нонна Мордюкова (о, ужас!) грудь показывает.

Запретить нельзя. Мы все же живём в стране под названием Россия, а не Дагестан. Законы общие.

И я о том же! И, если спектакль разрешён в Москве, его можно показать в Махачкале, нет?

Можно. Но принимая в расчёт местные факторы и менталитет. Надо слушать не одних муфтиев, но и их тоже. Надо слушать светскую элиту, но не только её. Слушать элиту академическую — профессоров, преподавателей, но тоже не ограничиваться исключительно этим. Здоровое общество должно быть настроено на возможность услышать разные мнения разных групп. Нужно учиться приходить к компромиссу!

Но угрозы — это вряд ли мнение.
Конечно.

Действие шестое. О талантах и специфике

Вы знакомы с творчеством современных дагестанских авторов?

Только собираюсь знакомиться. Серьёзно собираюсь.

Есть шанс, что кто-то из них будет поставлен на сцене МХАТа?

Постановки по национальному признаку или признаку землячества — это искусственно. Но если попадётся что-то действительно интересное, почему бы и нет. Так что — рекомендуйте. В Дагестане же всегда было полно талантов, а то, что они не на слуху сейчас — беда местной культурной политики и политиков. Мудрецы разных национальностей должны понимать, что, да, спорт — прекрасная вещь, но это лишь один из языков универсального общения. Поэтому культуры не бывает много, о чём я всячески призываю дагестанцев помнить. В связи с этим скажу: я, сделавший много театральных фестивалей, с удовольствием бы сделал что-то подобное и в Дагестане. Но меня, товарищи дагестанцы, пока никто об этом не попросил!

Предположим, что уже попросили. Формируя программу такого фестиваля, вы будете учитывать местную специфику?

А как же! Как учитывал бы её, делая фестиваль в Суздале, Якутии, Татарстане. Такие поправки делаются везде, и в этом нет ничего плохого. Более того, это очень важно. А про Дагестан я ещё вот что хотел сказать: это — моя Родина. Я и сегодня называю себя дагестанцем. Да, я русский. Но я русский дагестанец!

Действие седьмое. Об уроках и корнях

Какие уроки вы вынесли для себя из жизни в республике?

Главный урок — это умение сохранять свои корни, свои традиции, свой культурный код. У русских в России сейчас можно смело фиксировать утрату корневой «русскости», системы идентичности, логоса. И одного языка тут мало. Возьмём музыку. Есть музыка татарская, есть музыка грузинская, есть музыка аварская. А что такое русская музыка для большинства нас? Надежда Бабкина? Тогда это катастрофа — при всём уважении к ней самой и её поклонникам! Русский рок? Но это англосаксонский паттерн, просто мы про это забыли. Мы не работаем с русским вообще, мы не интересуемся русским, русского как бы нет в нашей жизни. То же касается театра. У нас есть национальные театры в республиках. Русского театра нет. Более-менее эту тему разрабатывает Малый театр — и всё! На всю Москву, на всю Россию. В том смысле нам у народов Дагестана и вообще национальных республик учиться, учиться и учиться.

А так ли уж нужен этот поиск корней в век глобализации?

Именно в век глобализации и нужен. Во-первых, потому, что глобализация — это обманка. По сути — это процесс приватизации мира англосаксонской цивилизацией. И не понимать этого означает быть лёгкой добычей. Во-вторых, этот глобализм на наших глазах трещит по швам. Приходит время нового передела мира. И тот, кто не успеет сформулировать свою национальную идентичность и свои национальные интересы, окажется в заведомо невыгодном положении. И русские и дагестанцы не должны забывать о своих корнях.

Влада Бесараб

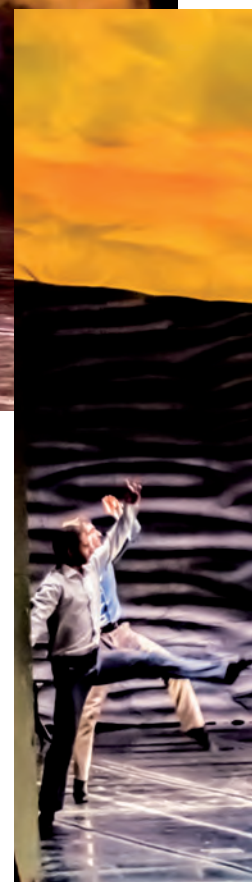
И ПИСАЛ ЕЙ СТИХИ НА СНЕГУ...

В Дагестанском государственном театре оперы и балета очередная премьера — на II Республиканском музыкальном фестивале «Панорама музыки композиторов Дагестана» публике был представлен одноактный балет «Прерванный полёт» на музыку народного артиста России Ширвани Чалаева в постановке главного балетмейстера театра, заслуженного артиста России Мусы Оздоева.

«Прерванный полёт» продолжает серию одноактных балетов, задуманных Мусой Оздоевым на музыку дагестанских композиторов. Работа над спектаклем началась более года назад — он должен был составить пару балету «Рапсодия любви» на музыку Магомеда Гусейнова, но из-за недофинансирования премьеру пришлось отложить. Воплотить задуманное удалось год спустя.

Вообще-то Ширвани Чалаев «не балетный» композитор, ему всегда был ближе жанр оперы, но тот же Оздоев более десяти лет назад уже использовал произведения Чалаева в качестве музыкальной основы музыкально-хореографического

представления Лакского театра «Солнечный диск». То была «этника в стиле модерн»: микст из фольклора народов Дагестана, балета, брейк-данса, необычных костюмов и ещё бог весть чего, что приводило зрителей в состояние вау-эффекта. И народные песни в исполнении самого Ширвани Чалаева были органично вплетены в сюжет. Нашлось им место и в новом балете, что неудивительно: спектакль представляет собой некую романтизированную версию биографии композитора. Но, разумеется, не стоит отождествлять самого Ширвани Рамазановича с лирическим героем по имени Ширвани. Поэтому мы будем анализировать балет, а не эпизод из юности классика дагестанского музыкального искусства.

Итак, Ширвани (заслуженный артист Дагестана и Ингушетии Арсен Курбанмагомедов) покидает родной аул и едет учиться в Москву, а по возвращении встречает прекрасную Мариян (заслуженная артистка Дагестана Оксана Абумуслимова). Молодые люди влюбляются друг в друга, но жить долго и счастливо им не суждено, потому что Мариян вскоре умирает от загадочной «чёрной болезни» (артистка Клавдия Магомедтагирова). Это если пересказывать словами — коротко и сухо. А если музыкой и танцем — романтично и проникновенно. Премьерная версия спектакля «Прерванный полёт» длится чуть менее часа, но Муса Оздоев планирует увеличить длительность ещё на 10 минут, благо музыкального материала достаточно.

Хотя и слова в этом балете всё же есть: как оказалось, старинные лакские песни в исполнении Чалаева отлично подходят в качестве музыкального фона современной хореографии. А уж она в данном случае включает в себя и модерн, и классический балет (ах, эта сцена с юными музами, воздушной стайкой, весёлым роем порхающими вокруг молодого композитора!), и национальные кавказские танцы. Дозировка чётко рассчитана, поэтому и результат сбалансирован.

О голосе Ширвани Чалаева («красивом, сильном баритоне большого диапазона») специалисты пишут так: «Исполнение... вокальных сочинений отличается высоким темпераментом, горячим порывом, искренностью чувств», выделяя такие черты музыкального стиля композитора, как «связь с фольклором, повышенная поэтичность и лиричность». Все эти эпитеты применимы и к хореографии спектакля. Они же помогли Арсену Курбанмагомедову вжиться в образ. Его Ширвани получился темпераментным, искренним, порывистым. То есть живым и сильным, полнокровным. И за это артисту можно простить некоторые технические недочёты.

В балете присутствует и голос народной артистки Дагестана Ларисы Гаджиевой — нежный, чистый, звенящий хрустальным колокольчиком где-то высоко-высоко. Мариян, исполняющая соло под эту лирическую лакскую песню, кажется одинокой (подруги, в какой-то момент

окружающие её в танце, подчёркивают это одиночество, отступая в темноту кулис), неземной и хрупкой, каковой, впрочем, и положено быть мечте и музе.

Знатоки лакского языка поговаривают, что «песня совсем не о том», точнее, не об этой истории любви. Но кто сказал, что у героини в прошлом не может быть другой трагической истории... И потом, какая по большому счёту разница, когда мелодическое движение этого голоса накладывается на пластическое движение танцовщицы и рождается нежный и чувственный образ. Кстати, саму Ларису Гаджиеву это «несоответствие» ничуть не смущает и на своей странице в соцсети она выразила благодарность Мусе Оздоеву за выбор песни и за прекрасную постановку.

В спектакле задействована практически вся труппа, массовых сцен немало, но солисткам есть что танцевать, и акценты расставляют, конечно, они.

Оксана Абумуслимова в театре недавно, она пришла в труппу из ансамбля «Лезгинка» (где и получила звание заслуженной артистки) и соответственно имеет хорошую профессиональную базу, а также дисциплинированна и вынослива, привыкла «пахать» в классе, много репетировать, хорошо понимает задачи, которые перед ней ставит хореограф. Не допрыгнула, не довернула, не успела — это не про неё (хотя премьерное волнение имело место быть). Она убедительна в каждом движении, чётко взаимодействует с партнёром, держит образ. А ещё у Оксаны очень

выразительные, «говорящие» руки. Арсен и Оксана отлично смотрятся в дуэте, надеемся, что режиссёр поставит на эту пару ещё немало интересных красивых номеров.

Клавдия Магомедтагирова в труппе тоже относительно недавно, но за плечами у неё опыт

работы на российской сцене, включая участие в мюзикле. Она характерная танцовщица — яркая, харизматичная. «Чёрная болезнь» — партия странная, страшная, но тем она и интересна: можно фантазировать, импровизировать и даже немного хулиганить, что Клавдия и делает вполне успешно. При этом импровизации тщательно

продуманы и отрепетированы — профессиональный подход.

Присутствовавшая на премьере историк балета, балетный критик, педагог Московской Государственной Академии хореографии Виолетта Майнице после спектакля встретила труппу, поделилась впечатлениями и высказала свои замечания. По словам самих артистов, критика от профессионала такого уровня для них очень важна, ведь Майнице чётко указала каждому на его ошибки, выявила слабые места, над которыми нужно работать, но при этом высоко оценила потенциал труппы. В беседе с корреспондентом журнала «Дагестан» Виолетта Александровна отметила, что уже сам факт наличия в Дагестане театра оперы и балета — это замечательно, но подчеркнула, что это искусство не может полноценно развиваться без спонсорской поддержки.

Ну а пока спонсоры не спешат вкладываться в балет, труппа во главе с Мусой Оздоевым будет работать по старинке — на энтузиазме, подкреплённом небольшой господдержкой.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА

Порой даже об известных, значительных людях, чьи имена на слуху, мы знаем непростительно мало. А кроме них в истории нашей культуры много поистине выдающихся личностей, о которых нынешнее поколение дагестанцев вообще не слышало. Замкнуть этот круг, то есть составить полный и окончательный список лиц, внесших большой вклад в культуру Дагестана, невозможно. Но можно начать рассказ о них.

Как рассказать о культуре народа? Самый верный и простой путь — через тех, кто её создавал или был к ней причастен. Художники, поэты, писатели, композиторы, искусствоведы, просветители, актёры и режиссёры — не просто деятели культуры и искусства республики. В первую очередь, они Личности и именно это, а не официальные регалии, вдохновляет художника. И тогда из-под его кисти или резца выходит самоценное произведение искусства — портрет, соответствующий масштабу этой личности.

Именно через портрет, через художника и его модель мы решили рассказать об отечественной культуре и её героях.

Идея зародилась ещё в 2004 году, а в 2008 по материалам проекта был издан альбом «КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ I».

В альбоме 52 «культурных портрета», работы наших дагестанских художников, а тексты к ним писали 26 авторов: искусствоведы, журналисты, учёные и писатели.

С тех пор возрастал мой груз вины по отношению ко многим, кто был «назначен» культурным героем, но не вошёл в первый проект по тем или иным причинам. И в 2018 году родился «КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ II».

Все нынешние КУЛЬТУРНЫЕ ГЕРОИ — наши современники, мои единомышленники и соратники во вселенском масштабе, хотя с некоторыми я даже лично не знакома. Теперь портреты не собирались по коллекциям, а должны были быть написаны специально для проекта. Перед художниками стояла задача — определить «кто из современников является для вас героем?» и создать его портрет. В течение полугода мы все вместе составляли наш пантеон. Результатом стала выставка, где были представлены 30 живописных, графических и скульптурных портретов, выполненных двадцатью дагестанскими авторами.

Но это только первая часть. Вторая, а именно «Литературный портрет», создаётся на ваших глазах. Мы очень признательны, что идею поддержал наш любимый журнал «Дагестан», и первый наш живописно-литературный рассказ о литературоведе и педагоге Мусе Асельдеровиче Гаджиеве.

*Джамия Дагирова, автор и куратор проекта «Культурный портрет»,
«Первая Галерея»*

КРЫЛЫШКУЯ

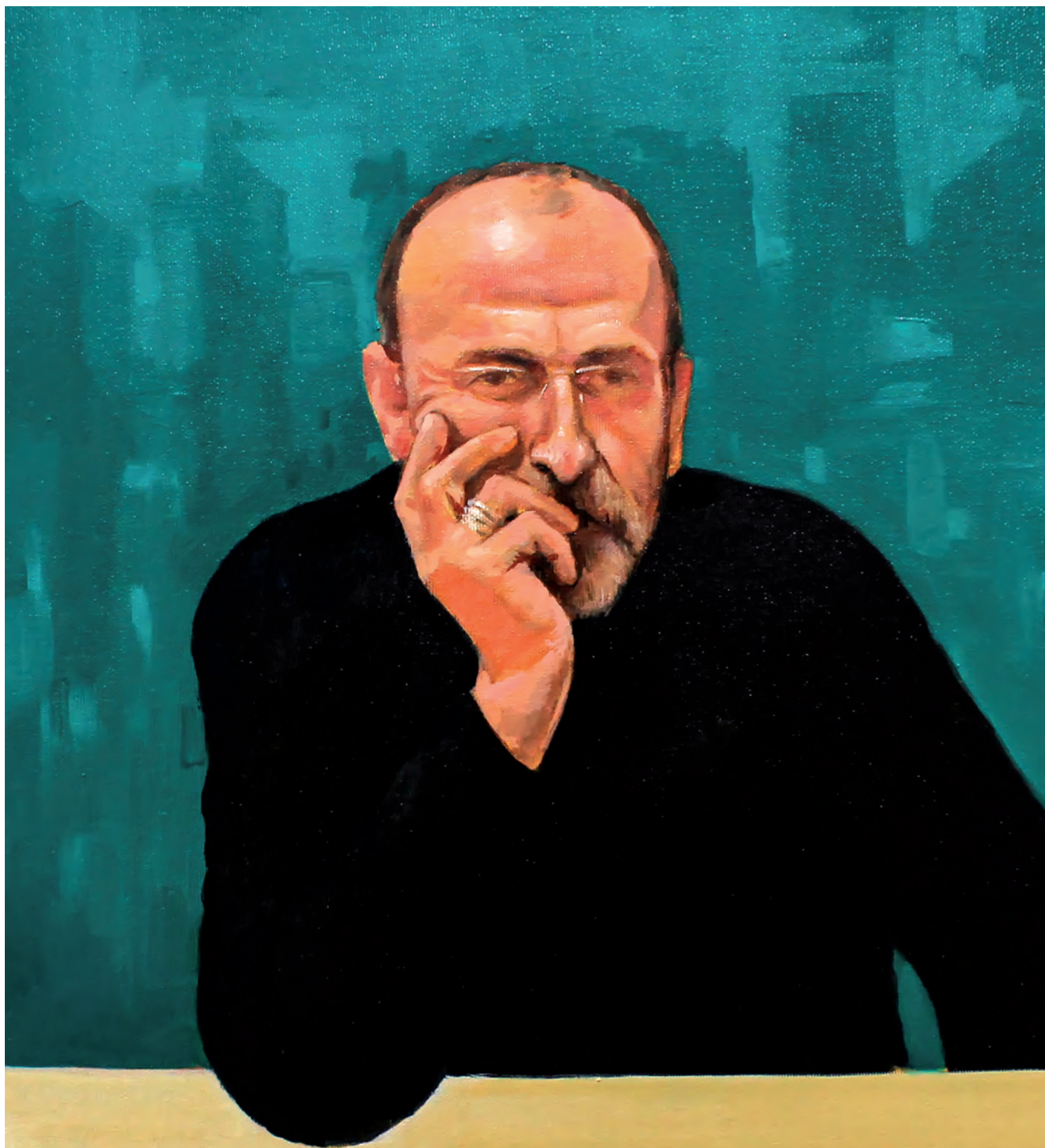
ЗОЛОТОПИСЬМОМ...

...Он нёсся прямо перед нашим автомобилем, то ли не догадываясь свернуть, то ли навязывая нам эти догонялки. Жеребчий юноша, переполненный весёлой молодой силой — гнедой круп, заломленный ветром хвост, копыта вбивают в пылящую дорогу и его притворный испуг, и нашу усталость. Нёсся, а потом взял чуть правее и обрушился куда-то вниз, будто ухнул в пропасть. А перед нами открылась Тлондода.

Тут неправильно было бы говорить о случайности. В Тлондоду мы попали закономерно, ко мне как к журналисту обратились с просьбой подыскать кого-нибудь подходящего, чтоб рассказал ребятам из тамошней школы о стихотворных размерах. А я предложила не о размерах, а о самой поэзии, её ткани, её духе и букве. И сразу назвала нужного человека — Мусу Асельдеровича Гаджиева, потому что «он чёртов подвижник» и «вам лучше не найти!».

Этот урок я запомню надолго. Без малого два часа Муса читал стихи. Его слушателям было от 6 до 15 лет, а зацепить нужно было каждого. Зацепить, влезть туда, где прячут дорогое, растормошить, чтоб услышали, рассмотрели и приняли то, что он протягивает. Порой внимание ослабевало, и это было сразу заметно, будто лампочки становились тусклее, но Муса менял регистры, принимался читать другое, и лица пацанов опять светлели. И он брал их сердца, и вёл за собой, и они шли, очарованные его голосом, улыбкой, готовностью отозваться

Магомед Дибиров
«Изумрудный вечер», 2018, холст, масло, 55x45

на вопрос, даже если он не прозвучал. А потом «урок» закончился, и случилось чудо. Настоящее, неподдельное чудо.

Пацаны из сельской школы, только что отсидевшие почти два часа, ринулись не на улицу гонять мяч, не по комнатам своим, а к нему, к Мусе. А он, как фокусник, извлёк вдруг откуда-то листочки со стихами. Раздавал их в протянутые руки, не наобум, а взглядевшись пристально в лицо, — погоди, вот это как раз для тебя! И один мальчишка из старших, уже взрослый, лет 15-ти всё приплясывал рядом в нетерпении, а дождавшись, когда мелюзга умолкнет, заговорил. Оказывается, они с Мусой Асельдеровичем уже встречались на каких-то литературных олимпиадах то ли в Хунзахе, то ли в Гунибе год назад, и он помнил об этом. А ещё помнил стихи, что Муса тогда читал, вот те, говорит, «про кузнечика...». Я замерла и просто не могла поверить, что моя догадка верна, что он сейчас о тех самых стихах, про того самого кузнечика. Но он прочёл первую строку, а Муса улыбнулся и подхватил: «Крылышка золотописьмом / Тончайших жил, / Кузнечик в кузов пуза уложил / Прибрежных много трав и вер...»

Значит, вот как оно было... Значит, этот мальчик год носил в себе Кузнечика как драгоценность, которой не с кем поделиться. Среди тех, кто его окружал, не было ни единого человека, кто понял бы и разделил его восхищение. А сейчас вот появился. И сразу в окна тлондодинской школы вплыло «лебедиво», расправила крылья птица «зинзивер» и непонятные, но волшеббно звучащие «озари», словно получили право быть, и уже не боялись быть осмеянными.

Вот такое случилось на моих глазах — пришёл человек и, засмеявшись, раздвинул

границы чужого мира. А что с его собственным миром, какой он? И откуда, собственно, взялся этот странный человек Муса Гаджиев, в каких оранжереях рос? А вот в таких:

«Мы были «пацаны с Космонавтова». Сейчас-то я понимаю, что, скорее всего, наша улица была «имени космонавтов», но в детстве мы об этом не задумывались: «Откуда?» — «С Космонавтова!» И всё. Может быть, этот несуществующий мифический Космонавтов (наверняка герой, храбрец, совершивший подвиг) каким-то образом сформировал мою жизнь. А вообще моё детство было совсем обычным, мама работала на двух работах, ни её, ни отца целыми днями дома не было. Уходя, она запирала меня в квартире. Жили мы на втором этаже. Я спрыгивал с балкона на кучу песка и целый день болтался по городу. А вечером шёл к соседям, что жили на этаж выше, и с их балкона спускался к себе. Мама приходила, а я вот он. Дома сижу.

Старший брат учил меня плавать — просто бросал в воду. Они с пацанами плыли к бую, садились на него и курили, разговаривали. Меня туда буксировали на камере. И вот я держусь за камеру, такой гордый, что я с ними, и тут мой брат, придерживая камеру, резко отпихивает меня ногой! И я просто начинаю тонуть, барахтаюсь из последних сил. Вот он, Мага, метрах в трёх, но на меня не смотрит, говорит с пацанами. А кричать «Спасите!» нельзя — это слабость, стыд, это запрещено! Минут через пять то ли я доплыл до камеры, то ли брат подпихнул её ко мне поближе. Мага мне потом сказал: «Я посмотрел, ты вроде держишься, барахтаешься, всё в порядке».

Он и барахтался, да. Держался. Получал от старших братьев, когда пытался пожаловаться на обидчиков из новой школы. Научился драться до крови, жестоко драться бок о бок с дворовыми пацанами.

«Ещё у нас была голубятня. Двухэтажная, с лестницей. Довольно долго это была точка, вокруг которой крутилась вся наша жизнь, и в какой-то момент мы стали возле неё дежурить. Днём малыши, а ночью — ребята постарше. Совсем рядом, там, где сейчас ресторан «Смолян», жили наши «вра-

ги». И вот прошёл слух, что они нашу голубятню будут разрушать. Однажды дежурил мой брат (он тогда сломал ногу и ходил с костылями, но никого это не волновало). И вот я просыпаюсь от крика, выбегаю на улицу — со всех сторон бегут наши пацаны, и передо мной картина, которую я никогда не забуду. Хадис прыгает на одной ноге перед голубятней, вокруг него шесть или семь ребят, и он размахивает костылём, не подпуская их к голубям. Такая классная была драка, отвоевали мы нашу голубятню!»

Ну всё понятно, да? Обычное детство пацана из приморского маленького города. Голубятня, уличные войны двор на двор, море, школа... Когда в жизни Мусы возникли книги, возникло Слово, которое он сделал центром своего мира, до сих пор непонятно. Хотя изредка что-то такое проблескивает. К примеру, был в его жизни строительный техникум. И студенческая практика на стройке. А там невероятный какой-то человек, совсем книжный или киношный персонаж — сварщик, «уходящий в запой, как в море» и так же запойно читающий.

«Он был здоровенный, под 2 метра ростом, в робе, в кирзовых сапогах. Звали Анатолием. Я провёл с ним три недели, и всё это время мы говорили о литературе. Он читал мне вслух Бунина, Бёрнса, Гумилёва. Помню, шагает по самому краю, я за ним чуть ли не на животе ползу — высота же, то ли пятый, то ли шестой этаж! А он рассуждает: «Ну, хорошо, книга-то антивоенная, так почему она умирает, а?» Это он «Прощай, оружие» прочёл».

Или вот другая история, тоже студенческая:

«У нас в общежитии было пусто, в комнате только кровати и по центру огромный стол. Мы сидели за него и рубились в секу всю ночь. И вот представь, светает, на столе окурки, пепел, карты, в комнате — хоть топор вешай, так накурено, а за окном утро тихое, прозрачное, такое только весной бывает. И вдруг голос чей-то. Станный голос, интонации странные, так люди обычно не разговаривают. Мы выглядываем, а там человек. Несуразный, бомжеватого вида, в сандалиях не по сезону. Стоит прямо под нашими окнами и читает стихи. В полный голос! И это в Махачкале. Он читал просто потрясающе. Есенина я впервые услышал от него. Он читал «Москву кабацкую», ещё, кажется, Ахматову и раннего Маяковского. Он приходил всю весну, читал стихи и уходил. Мы его ждали, сразу садились на подоконник, буквально вываливались из окон и зачарованно слушали. Тогда впервые я осознал, что слово — это

мощная сила».

Когда впервые попала в гости к Мусе и Татьяне, завистливо крутила головой, там полки до потолка — то, о чём всегда мечталось. А на них книжное воинство. Такой он выстроил себе мир — книги, а в них прекрасные слова, которые, он уверен, могут если не спасти душу, то хотя бы её согреть и утешить. А ещё в этом мире есть те, кому эти слова необходимо вручить. Он говорит о них «мои детки». Иногда смеётся — «гады такие!» Этим своим гадам и деткам Муса запретил задавать вопрос «для чего нужно читать?», говорит: должны же быть какие-то базовые вещи!

«Одна из моих студенток как-то сказала: «Ну, прочла бы я Борхеса, и что бы изменилось?». В отдельно взятом случае — ничего. Но когда один считает, что это ему не нужно, второй, третий — вымирает цивилизация. Я в этом абсолютно убеждён. Человек Читающий — звено в цепи мировой культуры».

Да, — соглашаюсь, — мы в своё время все так думали. Названия книг были кодовым словом, по принципу «читал–не читал» мы выявляли своих. А ещё до нас были молодые поэты 60-х, они же собирали толпы, как рок-звёзды! А сейчас? Всё стремительно меняется, ты же видишь? Он видит. Но по воскресеньям он собирается и идёт в Этнический Культурный Центр, там его ждут, туда придут люди, и маленькие совсем люди, и взрослые, и они будут читать и говорить о том, что прочли. И за этим занятием стоит наверняка что-то большее. Муса признался, как разуверившись, что занимается правильным делом, однажды раздал своим ученикам листочки с вопросом, нужны им такие занятия или нет. И один из пацанов написал: «Вы не имеете права меня бросать. Я не понимаю, как выполнять ваши задания, но вы не имеете права меня бросать!»

Он рассказывал и улыбался немного растерянно: «Я уже совсем собирался уходить, а эти слова развеяли мою решимость».

А я слушала и вспоминала, как в высокогорном дагестанском селе друг напротив друга стояли двое и нараспев читали Хлебникова. Читали так, будто они оба члены тайного братства, а эти стихи и секретный язык, по которому узнают своих, — и послание, и клятва на верность.

Светлана Анохина

Магомед Бисавалиев

О вещих снах, о шайтанах, их песнях и тухуме Квачликъилал

У меня есть ещё одна тётя. Не та, которая главный рассказчик про шайтанов и кавтаров, эта тётя — сестра моего отца. Тоже человек непростой судьбы. Её всю жизнь преследовали вещие сны, чаще всего дурные, опасные. Она сама мучилась и жаловалась. Видела, как тот или иной человек умрёт, получала знак.

Тётя переехала в Махачкалу и теперь тут живёт. Иногда заходит ко мне с ночёвкой, чтобы навещать моего отца, своего старшего брата. Отец очень радуется её приходу — бывает такая умиротворенность, тишина и неспешные, интересные разговоры. Разговоры о родителях, о детстве, о жизни в горах, о людях. Я получаю колоссальное удовольствие, когда наблюдаю за ними. Заходила она недавно, мне очень хотелось спросить о её вещих снах, но стеснялся, что ей это может показаться легкомысленным. Всё же решил я её разговаривать.

— Твои сны ты сама толковала или там предстоящее было не намёками показано, а прямо, как есть?

— По-разному. Были случаи, когда то, что произойдёт, я могла видеть точно. Но чаще косвенно, намёком. Иногда в самом сне я пугалась, и так, через испуг, находился ответ: к чему это.

— Что было самое страшное, что сбылось?

— Я видела, что умрёт один из моих сыновей. Точно это знала, никому это не рассказала. Смотрела на спящих моих детей, плакала и думала, который же уходит от меня?

— И как ты это видела?

— Вижу во сне, как ко мне в дом пришла моя умершая бабушка. Я знаю, что она умерла, и боюсь её. Она ходит по дому и ищет что-то. Я прошу, умоляю, чтобы она не взяла ничего. Ибо говорят: это к смерти близких, если умерший человек что-то заберёт. Взяла она нож с роговой рукояткой. Я

хватаясь за него, умоляю, чтобы оставила, что это не к добру. «Не оставляю я это!!!» — крикнула бабушка, из рук моих выдернула нож, захлопнула дверь и ушла. Я проснулась и побежала к моим спящим детям. «Нож» — к потере сына, сразу так решила, и не было дальше сна и покоя. Каждый день проходил в тревоге, жила и ждала страшной вести. А она уже стояла у порога. Как-то под вечер принесли мне моего одиннадцатилетнего сына. Пошёл к речке, чтобы забрать и привести домой коня, а конь ударил его копытом в голову. Люди нашли его без сознания и принесли. На следующий день я сына похоронила. К этому и вышел мой сон.

Стало мне неудобно и страшно от её повествования, не захотел я более говорить с ней о снах — вдруг ещё какую жуть выдаст. Думаю «да уберёжёт Аллах от этого», лучше её вернуть к шайтанам, легендам и другим историям. А рассказывать она мастерица не хуже той тётки, что главная рассказчица про джурмутских шайтанов, кавтаров и будалаов.

— Ты обязательно кольцо или браслет надень на руку. Женщина без кольца или браслета на руке уязвима и не защищена от злых духов, — говорит тётка моей старшей сестре, приехавшей из аула.

Поначалу я их диалог воспринял как женские разговоры, но когда услышал «злые духи», прислушался. Сестра взглянула на меня, усмехнулась:

— Ты про шайтанов много не говори, тётка, тут шайтанский писатель, всё улавливает!

... Шайтаны не были бы шайтанами, если бы отстали от людей и дали им спокойно жить. Нет же, лезут и лезут они в мою жизнь и тревожат постоянно своими загадками! Но я обещал вам слишком часто о шайтанах не писать, и расскажу сейчас другую историю. О чабане и его несчастной жене с сухой рукой.

Обрывки истории я услышал от тётки и старшей сестры, а однажды встретил человека, который рассказал недостающее. Правда, имени своего он просил не называть. Да и зачем нам его имя, если через всех нас, через каждого говорит один и тот же великий рассказчик — древний Джурмут. Итак, слушайте:

— Был, оказывается, в моём ауле Салда один зажиточный тухум КвачИкЪилал (квачИкЪ в переводе — короткорукий). Такое прозвище он получил после двух загадочных историй. Предок этого тухума был очень жадный человек. Большую отару имел, но резал только тех овец, что ногу ломают. А здоровых не резал никогда. Всё копил и копил он богатство, не давал ни родственникам, ни нуждающимся. Говорят, осенью в горах он заряжал винтовку одним патроном, всю зиму в Цоре за овцами с этой винтовкой ходил, а на следующее лето возвращался в горы на то же место и этот патрон вытаскивал, смотрел, не заржавел ли. Чабаны удивлялись: неужели тот же патрон, как можно было не стрелять целый год! А он, нахмурившись, чистил патрон, менял порох, загодил обратно в винтовку и ворчал: «Пригодится в один день».

Но не пригодился этот патрон. Умер он, а отару его поделили между собой два его сына. Дружными они не были, зависть была между ними и соперничество. Каждый хотел стать богаче другого.

А тут ещё это предание про золотой поднос. Шептались в селе, что один человек из тухума КвачИкЪилал спрятал этот поднос в своём хлеву под большим плоским камнем. Спрятал и ушёл с отарой овец на зимовку в Цор, где и умер ранней весной от малярии. А поднос так под камнем и лежит. Но камень этот такой тяжёлый, что поднять его не смогут даже полсела.

Женщина, имеющая связь с шайтанами, сказала, что тот поднос ныне находится под престолом хана шайтанов, и каждый, кто его коснётся, умрёт. Мало кто из салдинцев готов был претендовать на сокровище, да ещё если тут и шайтаны замешаны. Так что отказались все от поисков. Но когда пошло соперничество в богатстве между братьями, младший из них решил забрать у шайтанов поднос своего предка и стать главным человеком аула.

В один осенний день взял он большой лом и направился в хлев, чтобы поднять тот большой плоский камень. Старики-сельчане умоляли, чтобы отказался он от этой глупой затеи. Говорили, что

предок, настоящий хозяин золота, вовсе не от малярии умер, а был убит в Цоре шайтанами, чтобы не вернулся за своим добром.

— Тебя тоже могут убить, да ещё и накликаешь беду на весь аул! — уговаривал весь джамаат в один голос.

Не послушал алчный квачикъинец и пошёл в хлев.

Когда он поддел ломом край большого плоского камня, загрохотали небеса, задрожал и сам он, будто ударило его током, и упал без сознания. Люди вбежали в хлев, вынесли его на воздух... И тут стало всем не до него. Весь джамаат, разинув рты, смотрел, как поляна перед аулом заполняется животными. Целыми стадами из леса бежали олени и собирались в одном месте.

— Не к добру это, значит, Джурмут перед большой бедой, — сказал один старик. — Зверям идёт откровение от Аллаха, Всевышний их оберегает и собирает в безопасное место.

Прошло немного времени, наступил вечер и услышал такой грохот весь Джурмут, будто разрушились горы. Утром люди обнаружили, что часть горы между Салда и аулом Чорода рухнула, и там образовалось опасное место с обрывами и камнепадом. И точно такое же возникло с восточной стороны, отсекая Салда от аула Ульгеб.

— Вот почему олени прибежали к поляне! — сказал убеждённый сединой мудрый старик салдинец.

После этого все стороной обходили хлев с его каменной плитой и подносом под ним. А у того человека, что ударил по камню ломом, сначала высохла рука, что тронула каменную плиту, а через время он заболел и умер.

Говорят, на его похороны второй брат не пришёл. Жил он со своей отарой в горах и вечерами возвращался в местность Колохъ, недалеко от родного аула. В то лето он женился на девушке своего же тухума, однако никак не возвращался к ней в аул — говорят, что боялся на кого-то оставить свою отару. Молодую жену терзали подозрения, что муж завёл себе другую, — ведь не возвращается месяцами в аул.

Однажды в зимний день она наготовила еды и понесла мужу в горы. Был полдень, снег в том году с осени не выпал. Только лишь на вершинах дальних гор сверкали ледяные шапки, что отражали солнечные лучи. Жена чабана шагала в гору и прошла уже половину пути, когда вспомнила,

что неподалёку есть небольшой родник. Она решила там отдохнуть, выпить воды и после продолжить путь. Прошагав ещё с десятков метров, она оказалась у родника, и застыла как вкопанная. На плоском камне у родника спиной к ней сидела молодая девушка с роскошной косой, которая длинной змеей легла на бурую листву. Сквозь журчанье воды можно было разобрать негромкий голос, будто девушка напевает какую-то незнакомую песню. Жена чабана удивилась. Ни одного села или хутора не было поблизости. Как тут могла оказаться молодая девушка с распущенными волосами и ещё без чохто, понять она не могла. Но коса, похожая на змею, будто заморозила её, и она сделала шаг, затем другой, третий... и пошла, как во сне, ничего не понимая, ничего не видя, кроме этих блестящих тяжёлых прядей. И вот пальцы прикоснулись к шёлку волос... «Как же красива эта коса...» — сказала она. Девушка обернулась, улыбнулась и пропала вмиг, словно пена на воде.

Жена чабана бросилась бежать, сначала бежала прочь от родника, затем всё выше и выше по горе, туда, где пас отару её муж. Она задыхалась, а сердце её было готово вырваться из груди, когда навстречу ей вышли отара овец и два вожака-козла.

Животные шли, будто какая-то невидимая сила подгоняла и направляла их, но ни одного пастуха не было поблизости. Небо темнело и по нему разливалось алое зарево, будто солнце, исчезающее за

зубцами дальних гор, поранилось об их вершины. Женщина кричала, звала мужа по имени, но никто не вышел к ней и ей не ответил. Ей стало страшно, и она решила вернуться в аул. Спустившись к подножью горы, она перешла речку, и тут её охватила дрожь и сердце словно кто-то сжал в кулаке. Вокруг стояли отвесные скалы, между ними пролегли пропасти, но и со скал и из пропасти доносились голоса, они звучали всё громче, как будто приближалось какое-то торжественное шествие. Особенно отчётливо был слышен один женский голос, а совсем скоро жена чабана могла разобрать каждое слово, как если бы произносящая клятву стояла в трёх шагах от неё.

Рохъоб бугаб цАялъугІа,
ЦАдаб бугаб гІучІалъугІа,
ИталъугІа (гъвелялъугІа) аталъугІа (чуялъугІа)
Ати вугав вехъасугІа (Чоа вугав вехъасугІа)
Багъич гъечІаб квералъугІа,
Курхъин гъечІаб рукъалъугІа.

Вот что вышло в подстрочном переводе:

*Клянусь огоньком, что в лесу,
Клянусь хворостом, что в огне,
Клянусь собакой и конём,
Клянусь чабаном на коне,
Клянусь рукой без кольца,
Клянусь запястьем без браслета...*

Как жена чабана добралась до аула, вспомнить она так и не смогла. Пролежала без памяти семь ночей и семь дней. А рука, которой прикоснулась она к волосам девушки шайтанов, начала высыхать, и сохла, пока не остались от неё только кости да кожа. Когда пригласили к больной женщину, которая имеет связь с шайтанами, та сказала, что так и бывает, если на руке нет кольца или браслета. Было бы кольцо или браслет, шайтаны не навредили бы. Сработал бы металл как оберег.

А через некоторое время нашёлся и сам чабан. Люди обнаружили его бродящим вдали от отары, и был он в трауре. Рассказал, что была у него возлюбленная из потустороннего мира, хотел взять её второй женой. Тогда он мог бы вернуть себе золотой поднос или сам ушёл бы в мир шайтанов вместе с отарой. Но пришла жена земная, прикоснулась к его любимой и та исчезла, больше не приходит. И была, говорят, у него своя песня с печальной мелодией, посвящённая возлюбленной:

**Муърул сверу кІварай, Минасул Шамай,
Щобал къотІу егъи, мун дир йокъулей...**

В подстрочном переводе:

***Шамай, дочь Минава, ушедшая, покинувшая горы,
Вернись через хребты, моя любимая...***

Полусумасшедший, он не смог вернуться в аул и жить, как раньше; всё время ходил по горам, спускался в пропасти, искал свою Шамай и пел песню, что сложил для неё. А потом он пропал. Где и как умер, никто точно сказать не может. Его земная жена стала квачикъом (короткорукой, с высохшей рукой), детей у них не было, и на них закончился странный тухум салдинцев — КвачІикъилаал. А их хлев, дома и развалины, где были дома, перешли в вакъф (собственность мечети, джамаата, сохранённая ради благотворительности села). Позже место это было куплено одной семьёй большого тухума в ауле.

Этот хлев и сейчас можно увидеть в центре села, а в дальнем его углу лежит большой камень. Говорят, под камнем всё ещё спрятан золотой поднос тухума КвачІикъилаал. Но люди считают это место безбаракатным, и никто не хочет ступить на эту землю. Никто не рискует прикоснуться к камню.

СИНЯЯ ПТИЦА ТОСКИ

Как мы попали туда? Не знаю. Словно старательно и неумело рисовали жизнь свою на песке. Всё разложили, расписали, запланировали по дням. А тут пришёл кто-то, всё смёл, разровнял и по этой чистой плоскости прочертил прямую, как луч, дорогу. И мы поехали. А что делать? Когда так всё ложится, когда уже прочерчен путь — ты просто киваешь, идёшь и принимаешь всё, что последует.

Я всё всматривалась, когда же навстречу выпрыгнет обещанный Синий. Так видела. Этого ждала. Но его поначалу не было, просто бесконечная дорога, просто село, просто женщины в белых платках-казах. А затем просто башня, ожидание, смешливая женщина с ключом, просто ступеньки на самый верх, то ли окна, то ли бойницы, просто туман на самом верху, про который вдруг понимаешь, что вовсе не туман, а облака... Там ещё не было Синего, но было движение по направлению к нему. И просто

башня была на деле ладьёй, тяжёлой и грозной шахматной фигурой. И в любой момент она могла ожить и сделать ход, подчиняясь воле того, кто когда-то, в самом начале времён, начал эту Игру.

**Облаками измазанный, словно отличница мелом,
Нарисованный сотней довольно изломанных линий,
Взглянешь раз — и покажется кипенно-белым,
Взглянешь два — превратится в насыщенно-синий.**

Если взглянуть два, то Заира здесь, у себя дома, не совсем та Зайка, которую я знаю. Что-то новое проявилось. Вроде бы тот же смех, та же невозможно прекрасная улыбка. Но откуда тогда чувство, что она мореплатель, вернувшийся из странствий? Такой, что сидит рядом с родными за столом, улыбается, делает вид, что он прежний, а сам мучительно напрягает память, чтобы вспомнить имена этих милых, но совершенно чужих людей, и кем они ему приходятся. Такой, что много и охотно говорит о дневном и понятном, чтоб не проговориться о сумерках, о горбатой спине морского змея, проплывшего рядом с кораблём, об островах, где все люди крылаты и гибнут совсем молодыми, о тайнах, которые весёлому земному человеку не нужно открывать. А то испугается или затоскует.

Трясу головой и вроде морок рассеивается. Заирин дом весел и открыт, за окнами сад... Только тарелки на стене гостевой комнаты отливают то синим, то зелёным; и мучалы, стоящие под ними на полу, легонько покачиваются, касаются друг друга крутыми девичьими боками. Пойдём, — говорю, — пойдём уже туда! Ну, ты знаешь...

И мы идём. И дождь идёт. Не ливень, нет, лёгкий, как кисея. И там я наконец нахожу свой Синий. Разных оттенков, он всюду — на стенах, дверях, оконных рамах, будто опознавательный знак, сигнал для тех, кто когда-то придёт, собирая души в корзину. И нас, и нас не забудьте! Вот они мы! Вот наши васильковые ступеньки, лазурная притолока, кобальтовый опорный столб, не проглядите! Не проглядите!

**Из густого тумана мяукает кошка несмело,
Терпко пахнет нарезанный сыр
в пикниковой корзине.**

**Взглянешь вверх — всё окажется девственно белым,
Взгляд опустишь — покажется чувственно синим.**

В старой части села, где почти нет людей, где, как говорит Заира, ей даже в детстве ни разу не удалось заблудиться, мы всё же немножко заблудились. Бредём под дождём, пытаюсь не шлёпнуться на мокрых камнях, не поскользнуться на раскисшей грязи, уворачиваемся от юной злой крапивы и говорим. Мне не хочется верить, что это великолепие просто так, за неимением других красок.

— Слушай, — настаиваю я, — ну, не может быть, чтоб цвет ничего не значил, просто забыли, наверное!

Боря пожимает плечами:

— Вроде бы в какой-то культуре это цвет мудрости.

— В Иране — скорби.

— А в Китае бессмертия. Ты знала?

Нет, не знала, я качаю головой, проговаривая про себя это слово. «Бессмертие» шелестит, как змея, оно выскальзывает из моих губ, свивается в восьмёрку и гибкой серебряной лентой проскальзывает между камней куда-то в подвал заброшенного дома. Окно подвала забрано редкой решёткой. Пытаюсь разглядеть что там? Вроде ничего интересного: сломанный стул, колёсные оси. Но в дальнем углу что-то скупосверкивает, тихо живёт, шевелится, будто там собрались ставшие вольными правильные слова. Собрались и стали подсчитывать, какого ещё не хватает. Мы топаем дальше. Мы не просто так, не бродящие без дела люди. У нас есть цель — найти древнюю женскую мечеть. Вернее, мы придумали себе эту цель, чтоб честно и не стыдясь глядеть миру в глаза. И он, кажется, это понимает. А поэтому и мечеть нам не даёт.

**И повяжет девчонка-подросток платочек умело,
Чтобы сваты пришли и её о руке попросили.
И платок её, вышитый, будет, конечно же, белым,
И любовь её будет как небо — губительно синей.**

Оно вырастает перед нами после очередного поворота, после того, как мы прошли под каменной аркой, соединяющей два угрюмых безглазых дома, а после поднялись на пару ступенек и завернули направо. Это странное здание. Три этажа, стена частично разрушена, но дверь закрыта на большой амбарный замок.

Из дома напротив выходит женщина. Словно это самое обычное дело — жить в заброшенной части села, среди уснувших необитаемых жилищ, жить в доме, над дверью которого нахохлилась то ли каменная сова, то ли гарпия, то ли ещё какой, никем не описанный зверь.

— Ключ? Сейчас принесу, — говорит она и через пару минут возвращается с рашпилем, поддевает им ржавые петли и они вылетают вместе с гвоздями.

Мы осторожно входим. Поднимается на второй этаж. Дом внутри оказывается намного больше, чем казался снаружи, и он сложно устроен. Так сложно, со многими переходами и лесенками, парадными дверями, закрытыми навечно, и дверцами, похожими на те, что ведут в чулан, — ничего не обещающими. Но они легко открывались, будто приглашали пройти дальше, увидеть, понять, а за ними оказыва-

лись просторные комнаты и новые повороты коридора и новые двери...

На втором этаже явно моленная комната. Ковры и коврики, чётки на стенке, подушки на полу и полное отсутствие внешней стены. Будто те, кто приходит сюда, молятся чему-то запредельному, небывалому, требующему простора для взгляда и пространства для полёта. Такие закончили молитву, разбежались, расправили крылья, синие с исподу и вылетели туда, где туман и облака породнились и перепутались.

**Возвращаясь сюда, вижу я это сам то и дело,
Понимая прекрасно: меня это тоже не минет:
Год за годом я буду казаться всё более белым,
Оставаясь при этом в душе ослепительно-синим.**

— Метерлинк же! — вспоминаю я. — Сейчас войдёт Сахар и будет ломать и раздавать всем свои сладкие пальцы. А за ним — Кот, и скажет, что когда человек находит свою Синюю Птицу, то ему открывается тайна вещей и счастье. Он будет видеть всё и знать всё.

Меня никто не слушает — не до того, там открылся ещё третий этаж с его секретами. Мы лезем вверх и попадаем на крышу, с неё

ещё в одну комнатку, а оттуда уже на какую-то другую крышу, а с неё ещё в непонятно где, в каком измерении находящуюся комнату. И там у окна стоят два сундука, а в них орехи. Мы не трогаем их. Нам пока рано.

Но я уверена, если разгрызть эти орехи из сундука, с тобой непременно что-то произойдёт. Может быть, вырастут синие крылья, или в одном вместо ядрышка окажется старинное, драгоценное, кубачинской работы кольцо; может быть, тронется с места башня-ладья; может, прошелестят по полу и станут вокруг тебя слова, заждавшиеся того, кто их произнесёт. А может, и ничего ты там не найдёшь, но вдруг увидишь всё как только что созданное, с ещё не налившимися чужими взглядами и ахнешь оттого, что мир так огромен и прекрасен.

И потом спустишься, пойдёшь себе пить чай или не чай, что-то станешь говорить, улыбаться, затем сядешь поутру в маршрутку и поедешь прочь, вниз, туда, где нет ни облаков у щеки, ни такого воздуха, ни такого дождя, где ждёт работа и прочие важные дела.

Поедешь и повезёшь с собой новорожденную тоску. Маленького птенца синего цвета.

Текст — Светлана Анохина, стихи — Борис Войцеховский, фото — Анастасия Кутовая, осмысление и художественная обработка фотографий — Заира Панаева и Татьяна Калишук.

Сулейманов из Батлуха

Поэма

Магомед Ахмедов

Время наше к боли глухо, —
В круговерти серых дней,
Сулейманов из Батлуха
Проступает всё ясней.

Я сижу в тени чинары,
Вспоминая в добрый час,
Как Гамзаев, друг мой старый,
Познакомил, к счастью, нас.

Вниз смотреть — не хватит духа.
Вижу, словно наяву, —
Сулейманов из Батлуха.
Он и я — летим в Москву.

И, пока внизу белёсо
Растворялись облака,
Он меня своим вопросом
Озадачил на века.

Он спросил: «Поэт, по чести
Мне ответь: легко ли жить
Рядом с грязью, с горем вместе
И при этом жизнь любить?»

Говорил о Дагестане,
То, что мы не так живём,
И о том, что он не станет
Компромисс искать с ворьём.

И, летя над облаками,
Что белей, чем горный снег,
Утверждал, что не деньгами
Славен в жизни человек.

Я услышал в нём мотивы,
Что звучали и во мне —
То, что мир больной и лживый,
Что нет истины в вине.

И в его глазах увидел
Пониманья тёплый свет,
Чистый свет, где ни обиде,
Ни измене места нет.

И слова его губами,
С чувством собственной вины,
Говорил я: «Быть рабами
Горцы горцам не должны.

— 2 —

Что всего трудней бывает,
Видя как с «набитым ртом»,
Радостно поэт виляет
Перед подлостью хвостом.

Не стесняясь пылкой речи.
Говорил, что страх — порок.
Что мужчина — не кузничик,
Что танцует под свисток.

Что уйдём мы постепенно
И «цари», и «пастухи».
Лишь одна любовь нетленна,
Да ещё порой стихи.

«Что нам ждать, каких сюжетов?
Не дано того нам знать.
Привилегия поэтов —
Ввысь к бессмертию взлетать.

Словно настезь ада дверцы,
И я вижу из огня,
Усмехаясь, прямо в сердце
Кто-то целится в меня».

Душат слёзы. В горле сухо.
Ночь. Но тьме нет места в ней —
Сулейманов из Батлуха —
Солнце памяти моей.

Жаль, но пуле невозможно
Отличить добро от зла.
В снег ступая осторожно,
Не его ль душа прошла?

Не его ли голос чести
Слышен эхом с вышины:
«Собирайтесь, горцы, вместе!
Только вместе мы сильны!»

В самолёте все уснули.
Он не спал. Смотрел во тьму.
Может посвист чёрной пули
Не давал уснуть ему?

«Что нам ждать, каких сюжетов?
Не дано того нам знать, —
Повторил он. — За поэтов,
Всё ж, не жалко умирать...»

Нет, не умер он. Не верьте.
Сквозь грядущие века,
Как поэт в своё бессмертье
Он ушёл за облака.

Есть предание от века,
Утонувшего в снегах,
Что величье человека
Мерить нужно во врагах.

Нет твоих врагов бесстрашной,
Громче нет, чем их, побед.
Но твоей не взять им башни,
Сулейманов Магомед.

Ты был кремнем, если надо.
Ты самим был небом дан.
Говорил: «Народ — не стадо.
Он и есть мой Дагестан».

Твёрдость не была излишней —
Нрав был имени под стать.
Может быть, что сам Всевышний
Ставил на тебе печать.

Ты у шейха из Батлуха
Блеск свой по наследству взял.
Пусть же будут мягким пухом
Эти камни сыну скал.

Ты один в морском просторе
Слышал песню родника,
И в ключе, как дышит море,
Чувствовал издалека.

И, к себе прижав Отчизну,
Что была милей всего,
Ты оставил нам не тризну —
Дух, достойный Ахульго.

Ты прошёл как поезд скорый.
Ты промчался как река.
Над тобой склонившись горы,
Простоят в слезах века.

Для меня твоя улыбка
Светит солнышком в груди.
Слышишь, как рыдает скрипка?
Слышишь — плачут как дожди?

Как живу? Живу нормально.
Но, как другу, честно я
Признаюсь, как ни печально,
Всё — мышинная возня.

Так, слепой слепого водит,
Но уже, звездой в ночи,
Имя ввысь твоё восходит,
Вниз бросая нам лучи.

И кто знает — ждёт нас слава,
Или, перейдя черту,
Мы заслужим только саван
Да надгробную плиту.

Вот и кончилась свобода.
Нет на истине лица.
Ни заката, ни восхода.
Только ночи без конца.

Жизнь быстрее сна проходит
И любовь полна тоской.
Сострадание — не в моде.
Честь — с протянутой рукой.

Как собаку, век двадцатый
Закопали вглубь земли
Без надгробья. Вместо даты
Лишь кровавые нули.

Революции, пикеты,
Вспышки гнева там и тут.
В реках и ручьях планеты
Слёзы горькие текут.

Даль окутана туманом,
И дорога не видна.
Быть безумцем вечно пьяным —
Счастье в эти времена.

Лишь ветра в них завывают,
Лишь зимы тоска и мгла...
Славы прежней замерзают
Вековые зеркала.

Что ни день — одно и то же —
Празднуют День Подлеца.
И повсюду — рожи, рожи...
Ни единого лица.

Пьют, грызутся у корыта
За народные харчи.
И рукой врага отлита
Пуля чёрная в ночи.

И над этой жизнью зыбкой
Вознесаясь на небосвод,
Магомед своей улыбкой
Говорит мне: «Всё пройдёт.

Там, внизу, резвятся черти,
Правят свой нечистый бал.
Здесь любовь
ведёт к бессмертью, —
То, что в жизни я искал».

Магомед, меня, наверно,
Ты услышишь. Знаешь, я
До сих пор горжусь безмерно
Тем, что мы с тобой друзья.

Помню как порой весенней
Я сказал твоей жене:
«Знай, что муж твой — это гений.
Береги его вдвойне!»

И она мне отвечала:
«В Магомед — дух орла!»
Охраняла, сберегала,
Да, вот, не уберегла.

Да и кто из смертных в силе
Сатаны разрушить план?
Одного орла убили —
Ранен был весь Дагестан.

Ты ушёл, но люди имя
Будут чтить твоё, пока
Горы есть, и есть над ними
И орлы, и облака.

Но ещё план мерзкий в силе —
Торжествует в мире Зло,
А Добро лежит в могиле,
Правду кривдой занесло.

Только факельное знамя,
Что в своей руке ты нёс,
Всё горит, горит над нами,
Поднимается до звёзд.

Пуля, что тебя убила —
Лишь начало чёрных дней.
Сколько же она сгубила
Благородных сыновей?!

То, что жить с тобою тесно,
Понял враг уже давно.
Честно что, а что бесчестно —
Пуле, в общем, всё равно.

Пуля — сплав свинца и страха.
И решил судьбу их страх:
Или стать самим им прахом,
Иль рассеять Правду в прах.

Был бы жив ты, здоров и весел
В наши дни, как на коров,
Колокольчики б развесил
На бандитов и воров.

Чтобы слышались в тумане
Хитрых слов обман и зло.
И тогда бы в Дагестане
Наконец-то рассвело.

Пал герой. И повсеместно
Весть летит во все концы.
И бесславно, безызвестно
Умирают подлецы.

Ты ушёл, силён и светел,
По тропе судьбы своей.
И уже, наверно, встретил
Славных горных сыновей.

Полный искренней печали,
Расскажи им всё как есть.
То, что люди измелчали,
Что забыта ими честь.

И, в глаза им глядя честно,
Ты о том не умолчи,
Что их славу повсеместно
Убивают палачи.

Расскажи, что совесть стала
Нынче меньше воробья.
А орёл на вечных скалах —
Чуть побольше муравья.

То, что ростом, как пигмеи
Скоро станут дети гор.
Что тропой звериной змеи
Правят с некоторых пор.

Но скажу без мелкой лести,
Это будет — так и знай:
Что борцы, такой же чести,
Как твоя, спасут наш край.

Твой рецепт рукой усталой
Был прописан, как судьба:
Из себя, по капле малой,
Мне выдавливать раба.

Тем и жив я. И в просторы
Всё смотрю сквозь миражи.
И мне ветром шепчут горы:
«Выше голову держи!»

Все мы поздно или рано
Мир покинем навсегда...
Светят звёзды Дагестана.
Светит и твоя звезда.

Ты не умер. Это слухи.
Жив и нас хранишь от бед —
Солнце, вставшее в Батлухе, —
Сулейманов Магомед.

*Перевод
Владимира Серова*

КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

